

ЧЕ (677)

Д671

18498

ВЛИЯНИЕ

У.-Ж. Ш. ДОНДУКОВ

РУССКОГО

ЯЗЫКА

НА РАЗВИТИЕ И ОБОГАЩЕНИЕ

ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА

БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

ВЛИЯНИЕ

У.-Ж. Ш. ДОНДУКОВ

РУССКОГО

ЯЗЫКА

НА РАЗВИТИЕ И ОБОГАЩЕНИЕ

ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА

БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

118428.ас
1986
1985
1985

БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВА
ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО
ИНОСТРАННОГО
ЯЗЫКОВ, КНИЖНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО

БУРЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

УЛАН-УДЭ 1974

Предисловие	3
Введение	5
Русская лексика, заимствованная бурятским языком в дореволюционный период	18
Основные лексические заимствования дореволюционного периода	23
1. Заимствования, относящиеся к сельскохозяйственному труду	24
2. Заимствованные названия пищи, напитков и овощей.	26
3. Заимствования, обозначающие строения, жилища, домашнюю утварь, посуду.	29
4. Заимствованные слова, обозначающие одежду, обувь, головные уборы, украшения.	31
5. Заимствованные названия средств связи и передвижения.	31
6. Заимствованные военные термины	33
7. Заимствованные слова, обозначающие торговлю, товары, деньги.	35
8. Заимствования, выражающие понятия административного управления и суда	37
9. Заимствования, связанные с христианской религией.	40
10. Заимствованные слова, выражающие понятия духовной культуры	42
Русская и интернациональная лексика, заимствованная бурятским языком в советскую эпоху.	47
Фонетическое оформление русских и интернациональных слов, заимствованных бурятским языком в дореволюционный период.	60
Фонетическое оформление русских слов, заимствованных в послереволюционный период.	73
Кальки	75
1. Кальки, созданные в старом письменном языке в дореволюционное время.	78
2. Кальки, созданные в бурятском литературном языке в советскую эпоху.	79
Семантическое освоение бурятским языком русских и интернациональных заимствований в дореволюционный и послереволюционный периоды.	88
1. Слова, освоенные с сужением семантического значения.	93
1. Слова, освоенные с расширением семантического значения.	95
Заключение.	98

Более трехсот лет контактирует бурятский язык с русским языком. За это время эти языки оказывали друг на друга интенсивное влияние. Особенно громадным было влияние русского языка на бурятский, ибо русский язык является одним из самых развитых языков мира, имеющий многовековые литературные традиции. Изучение этого длительного, прогрессивного и разностороннего влияния русского языка на бурятский язык — одна из почетных задач бурятских лингвистов.

Данная работа У.-Ж. Ш. Дондукова представляет собой первую монографию, в которой сделана попытка всесторонне рассмотреть вопрос о бурятских лексических заимствованиях из русского языка.

Как вытекает из исследования, русские заимствования не просто увеличивают количество слов в бурятском языке. Лексика русского языка оказывает глубокое воздействие на семантическую и фонетическую структуру бурятского слова, внося много новых элементов, потенциально заложенных в системе, структуре бурятского языка, но практически не реализовавшихся ранее.

Автор на большом фактическом материале в двух разделах рассматривает влияние русского языка на бурятский в дореволюционный и советский периоды. При этом в работе правильно подчеркивается все возрастающая роль русского языка в выработке фонда общей лексики в языках народов СССР. В этом процессе большую роль играют заимствования из языка в язык и межъязыковое калькирование. Элементы общности наблюдаются также в основах слов, морфемах, суффиксах, в способах их композиции, в моделях словообразования. Вырабатываются общие модели высказывания, обусловленные интенсификацией самого процесса мышления современного человека, динамикой современной жизни и глобальностью познания.

До революции заимствованные слова подвергались сильной фонетической модификации. В связи с мощным влиянием русского языка и интенсивным распространением двуязычия артикуляционная база бурятского произношения стала несравненно более гибкой, разнооб-

разной, и заимствованные слова в настоящее время уже не подвергаются сильным изменениям.

Многое из того, что вошло из русского языка и через русский в бурятский язык, сейчас кажется инородным, чужим. Но, как известно, в переживаемый нами период в нашей стране завершилось языковое строительство и начинается длительный этап стабилизации языков и прочного утверждения всего того, что достигнуто в их развитии за прошедшие полувека. Нет сомнения в том, что заимствования и кальки из русского языка с течением времени станут такими же привычными, как и исконные слова и обороты бурятского языка, все более будут пополнять нейтральные пласты его лексики. А это, в свою очередь, имеет важное значение в процессе постепенного сближения бурятского языка с другими языками народов нашей страны. Ведь генеральной линией Коммунистической партии в области развития национальных отношений был и остается ленинский курс на расцвет социалистических наций и их дальнейшее сближение.

Можно выразить надежду, что работа У.-Ж. Ш. Дондукова послужит толчком для более детального и углубленного изучения влияния русского языка на бурятский в области фонетики, морфологии, словообразования, синтаксиса и стилистики. Каждый из этих аспектов заслуживает монографического освещения.

Л. Д. ШАГДАРОВ.

В новой Программе, принятой XXII съездом КПСС, указано, что свободное развитие языков народов СССР на основе равноправия и взаимообогащения должно явиться главным направлением, по которому будут развиваться национальные языки в период перехода от социализма к коммунизму. В соответствии с этим в настоящее время актуальным становится вопрос об изучении взаимодействия языков народов нашей страны. Неотложность изучения этого и других связанных с ним вопросов нашла свое подтверждение в докладах на Всесоюзной конференции, посвященной закономерностям развития языков народов СССР, состоявшейся в 1962 г. в г. Алма-Ате. В представленных на конференции докладах значительное место уделялось раскрытию роли русского языка в жизни народов нашей страны, в развитии национальных языков.

В коллективном докладе «Основные итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР»¹ большое внимание уделено освещению широких общественных функций русского языка и, прежде всего, его функций языка межнационального общения народов СССР. «Выполняя эти функции,— отмечается в передовой статье в «Вопросах языкознания»,— русский язык не только служит важнейшим средством взаимообогащения и сотрудничества советских народов, но и является источником обогащения и развития языков советских народов»².

Данная координационная конференция в качестве одной из основных тем для научно-исследовательских работ выделила проблему «Русский язык и советское общество». В связи с этим конференция подчеркнула

¹ В. В. Виноградов, Ю. Д. Дешериев, В. В. Решетов, Б. А. Серебренников. Основные итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР. «Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху». Алма-Ата, 1964, стр. 10—28.

² Передовая статья «Итоги и задачи разработки вопросов письменности и развития литературных языков народов СССР», «ВЯ», 1963, № 2, стр. 151.

актуальность изучения данной проблемы на конкретном материале отдельных языков. Проведенная в 1963 году в г. Улан-Удэ координационная конференция, посвященная развитию литературных языков народов Сибири в советскую эпоху¹, также подчеркнула актуальность этой темы. Разработка выдвинутых на этих конференциях проблем имеет прямое отношение к бурятскому языку.

Исследование роли русского языка в процессе становления и развития бурятского литературного языка в настоящее время выдвинуто самой жизнью и всей практикой языкового строительства в республике, так как без конкретного всестороннего изучения влияния русского языка на бурятский невозможно было бы разработать орфографию, терминологию, орфоэпию и культуру речи бурятского языка. Большая часть этих вопросов ждет своего изучения.

Русский язык по общему признанию является одним из богатейших языков мира, оказавшим огромное влияние на развитие и обогащение словарного состава языков многих народов. Громадная цивилизующая роль русского языка особенно рельефно обнаружилась после Великой Октябрьской социалистической революции, когда он стал не только источником новых понятий, новых слов для других языков нашей страны, но и языком интернационального общения, вторым родным языком для всех народов СССР. На почве общения отдельных национальных языков с русским литературным языком, на основе развития науки и техники все языки социалистических наций нашей страны совершенствуются и обогащаются за счет русского языка, который является выразителем самой передовой идеологии и культуры в истории человечества.

В бурятском языке, как и во всех других национальных языках Советского Союза, количество общеупотребительных слов, усвоенных непосредственно через русский язык, и терминологической лексики, употребляющейся в различных областях науки, промышленности, в сельском хозяйстве, растет с каждым годом. Этот рост общекультурной лексики в бурятском языке отражает тот большой путь, по которому бурятский народ идет к вершинам высокой культуры, созданной русским народом. То общее, что рождается и крепнет в лексике бурятского и других национальных языков нашей страны в результате политического, экономиче-

¹ См.: «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, 1965.

ского и культурного сотрудничества народов, ярко отражает в себе жизнь единого многонационального социалистического государства.

Многочисленные заимствования из русского языка, имеющиеся в бурятском языке, говорят о весьма тесных культурных и экономических связях русского народа с бурятским в прошлом. Об этом можно найти подтверждения в исследованиях бурятских ученых, историков, посвященных историческим связям русского и бурятского народов¹.

В обогащении словарного состава языка большую роль играет заимствование слов. Заимствованные слова обычно составляют весьма значительную часть словаря и отражают в своих наслоениях социально-культурные связи между народами.

Вопрос об исторических связях монгольских народов, прежде всего с тюркскими и другими среднеазиатскими и ближневосточными народами, впервые освещен в русской востоковедной литературе в трудах В. В. Бартольда², Б. Я. Владимирцова³, К. П. Патханова⁴. А конкретные вопросы влияния языков вышеуказанных народов на монгольские языки изучали П. М. Мелиоранский⁵, Б. Я. Владимирцов⁶, Г. И. Рамstedт⁷, В. Котвич⁸, Г. Д. Санжеев⁹. В последнее время появился ряд статей молодых тюркологов, посвященных взаимодействию тюркских и монгольских языков¹⁰.

О том, какое влияние оказал сам бурятский язык на русский, в какой-то мере раскрыто в работе проф.

¹ См. История Бурят-Монгольской АССР в двух томах. Том I, Улан-Удэ, 1954; История Бурятской АССР, том II, Улан-Удэ, 1959; Б. Д. Цибилов. Нерушимая дружба бурят-монгольского и русского народов, Улан-Удэ, 1957; Е. М. Залкинд. Присоединение Бурятии к России, Улан-Удэ, 1959; И. А. Асаланов. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в., Улан-Удэ, 1963; Г. Н. Румянцев. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962.

² См. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 416—423; его же. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов. «Живая старина», 1909, вып. I и III.

³ См. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм, Л., Изд-во АН СССР, 1934.

⁴ См. К. П. Патханов. История монголов по арабским источникам. СПб., 1847, вып. 2.

⁵ См. П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о монгольском языке, СПб., 1903.

⁶ См. Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке. «Зап. восточного отделения Русского археологического общества», СПб., 1911; см. его же. Арабские слова в монгольском. «Зап. коллегия востоковедов», 1930, т. V, стр. 73—82; его же.

Л. Е. Элиасова «Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья», где он отмечает, что «вопросы взаимного обогащения языков разных народов весьма актуальны, разработка их поможет полнее раскрыть исторические корни формирования дружественных отношений между людьми различных национальностей, положительную роль взаимообогащения достижениями культуры»¹. Далее он сообщает, что «бурятский и эвенкийский языки оказали большое влияние на разговорную речь русских старожилов Забайкалья. Это влияние проходило на протяжении более трехсот лет, оно продолжается в какой-то степени и теперь. Но было бы ошибкой, если бы мы стали говорить о влиянии бурятского и эвенкийского языков только на разговорную речь забайкальцев. Многие слова и понятия аборигенов края прочно вошли в традиционный и советский фольклор русских старожилов, который в результате такого влияния приобрел весьма заметные локальные качества»².

Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, Л., 1929.

⁷ См. Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание, М., 1957.

⁸ См. В. Котвич. Исследование по алтайским языкам, М., 1962.

⁹ См. Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., Изд-во АН СССР, 1953, т. I; его же. К тюркско-монгольской лингвистической проблеме. «Тр. Института востоковедения», 1947, № 4.

¹⁰ См. Ш. Ш. Сарыбаев. К вопросу о монгольско-казахских языковых связях. «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», в. 2, Алма-Ата, 1960; П. П. Барашков. О монголо-бурятских и якутских языковых связях. «Сб. трудов по филологии», в. 3, Улан-Удэ, 1958; С. Кудайбергенов. Материалы о киргизо-монгольских лексико-грамматических параллелях. «Изв. Академии наук Киргизской ССР», т. VI, в. I, Фрунзе, 1964 (серия общественных наук). А. А. Булакаева-Баранникова. Турецко-бурятские языковые параллели. «Уч. Зап. Бур. гос. пед. института». Улан-Удэ, в. 23, 1961 (серия историко-филологическая); С. Калужинский. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке. «Тр. ИЯЛИ Якутского филиала АН СССР», в. 3, 1961; его же. Монгольские элементы в якутском языке. Варшава, 1963; С. Садыков. Тюркско-монгольские языковые параллели. «Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири», Фрунзе 1966. А. Щербак. Взаимосвязь турецкого и монгольского языков. «Узбек тили ва адабиети масалалари», 1959, № 4.

¹ Л. Е. Элиасов. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965, стр. 97.

² Там же.

Известно, что лексические заимствования в своей основной массе отражают заимствования культурных ценностей в широком смысле этого слова. Об этом Э. Сепир писал следующее: «Когда есть налицо культурное заимствование — есть полное основание ожидать соответствующего заимствования слов... Тщательное изучение таких заимствованных слов может служить интересным комментарием к истории культуры. Роль различных народов в развитии и распространении культурных ценностей можно почти в точности установить путем выяснения, в какой мере их лексика просачивалась в лексику других народов»¹.

Таким образом, изучение материала под углом зрения вышеприведенного суждения Э. Сепира позволяет выяснить, как развивалась культура бурятского народа, с какими другими народами и языками исторически он был связан, а также какие влияния испытал он и в какой мере просачивалась заимствованная лексика с их стороны и какое воздействие оказал на них сам бурятский язык.

Бурятский язык хранит в своем словарном составе значительное количество слов, запечатлевших более древние связи монгольского языкового мира, куда входили и предки бурят, с другими народами в далеком историческом прошлом. В нем имеется много тюркских², арабских³, персидских⁴, китайских⁵ и других слов.

К. М. Черемисов сообщает, что «больше заимствований обнаруживается из персидского языка. С этим языком монгольский языковой мир мог познакомиться довольно рано, по крайней мере, в X—XII веках, то есть еще до завоевания Средней Азии и походов на Европу, от мусульманских купцов. В специальной литературе имеются сведения (академик В. В. Бартольд) о том, что существовало даже некое «литературное об-

¹ Э. Сепир. Язык. Введение в изучении речи. М., 1934, стр. 152.

² См. Б. Я. Владимиров. Турецкие элементы в монгольском языке. «Зап. восточного отделения Русского археологического общества». СПб., 1911.

³ См. его же. Арабские слова в монгольском. «Зап. коллегии востоковедов». 1930, т. V, стр. 73—82.

⁴ См. К. М. Черемисов. О ранних заимствованиях в бурятском языке. «Свет над Байкалом» 1956, № 4.

⁵ См. У.-Ж. Ш. Дондуков. Парное словообразование имен существительных в бурятском языке. «Вопросы литературного языка», Улан-Удэ, 1963,

щение между монгольским и персидским миром». Хотя у нас и нет письменных доказательств, но, по данным бурятского языка, с достаточной степенью уверенности можно предполагать, что знаменитая персидская книга «Тути намэ» — «Сказки (умного) попугая» была небезызвестна в далеком прошлом бурятам и оставила след и в языке, и в фольклоре бурятского народа»¹.

Позднее вместе с буддизмом и ламаизмом в бурятский язык проникли также санскритские, тибетские слова и монголизмы из старомонгольской письменности, которая обслуживала в основном потребности религиозного культа² и была далека от разговорного бурятского языка. Поэтому подавляющее большинство санскритизмов, тибетизмов и монгольских неологизмов, образованных по методу кальки под влиянием тибетского языка, было связано именно с потребностями богослужения, а не с повседневными жизненно необходимыми потребностями бурятского народа.

В исторических взаимоотношениях бурят с русскими решающую роль сыграли территориальная близость и тесные культурно-экономические связи между ними, что было для них, несомненно, более существенным фактором, чем религиозные связи с тибетским духовенством. Поэтому при изучении вопроса о лексических заимствованиях бурятского языка из русского мы должны исходить главным образом из данных живого языка и фольклора, отражающих историко-бытовые явления более раннего периода, которые могут пролить свет на дореволюционную историю бурятского языка.

Факты проникновения русских слов в бурятский язык, относящихся к категориям экономической, политической и другой терминологии, говорят о том, что именно экономическая и политическая связь между русским и бурятским народами была очень близкая. В силу этого в разговорный язык и отчасти в старописьменный монгольский язык, когда последний расширил свои функции и стал обслуживать делопроизводство и переписку у бурят, проникло значительное количество заимствований из вышеуказанных категорий слов русского языка. Эти русские заимствования в бурятском языке получали повсеместное распространение, потому

¹ К. М. Черемисов. О ранних заимствованиях в бурятском языке. «Свет над Байкалом, 1956, № 4.

² См. К. М. Герасимова. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье во второй половине XIX и начале XX вв., Улан-Удэ, 1958.

они были в ходу во всех территориальных диалектах бурятского языка. К ним относятся заимствованные слова, обозначающие в основном полевые культуры, технику земледелия, сельскохозяйственные орудия, названия различных видов построек, упряжи и т. д.

Заимствование подавляющего большинства слов земледельческого хозяйства вызвано тем, что буряты раньше не были знакомы с отраслью труда, связанной с земледелием, и поэтому они были значительно отстающими в экономическом отношении, чем их соседи — русские. И русские слова, относящиеся именно к земледелию, первыми вошли в словарный состав бурятского языка и являются наиболее ранними по сравнению с другими категориями заимствованных слов из русского языка. К древним заимствованиям в бурятской лексике относятся такие земледельческие слова, как: *орооһон* «зерно», «зерна», *һолоомон* «солома», *хилээмэн* «хлеб», *борной* «борона», *залууг* «залог» (пахотная земля), *заалис*, *зайлса* «залежь» и т. д.

К этой группе следует отнести и ряд других слов, имеющих непосредственное отношение к быту. Таковы, например, названия некоторых предметов одежды и домашнего обихода, а также продуктов питания: *пулаад* «платок», *хармаан* «карман», *сабхи* «сапоги», *бидруу* «ведро», *бииниг* или *бээниг* «веник», *халааша* «калач», *алаади* «оладья», *хэрээһэн* «крест», *амбаар* «амбар», *дойбод* «доведь» и т. д. Заимствование этих и им подобных слов вызвано заимствованием самих предметов, вещей и понятий, прежде отсутствовавших у бурят. Жизненная необходимость этих слов, определяющаяся взаимодействием людей в процессе труда и освоения окружающей обстановки, устойчивость их в течение длительного времени, возможность от них образовать новые слова путем словопроизводства являются непосредственным доказательством того, что они прочно вошли в словарный состав бурятского языка. Об этом же свидетельствует тот факт, что они подверглись значительным фонетико-морфологическим изменениям.

Фонетико-морфологическая и лексико-семантическая переработка заимствованных слов или, как принято говорить, освоение их — процесс более или менее длительный. Степень этой переработки зависит от употребительности и сферы функционирования слова в языке.

Слова, широко проникшие в разговорный бурятский язык, в его территориальные диалекты, особенно в бесписьменный период его развития, подверглись самым

радикальным фонетико-морфологическим изменениям. В пользу древности заимствования вышеприведенных и других слов говорит и факт включения их в часто употребляющиеся пословицы и поговорки. Например: *Хармаандаа хахад сагаангуй* «Без ломаного гроша»¹ (букв. Даже и без половины гроша в кармане), *Ажал хэнэн амбаар дүүрэн* «Труд человека кормит» (букв. Поработал — в амбаре полно)² или *Ажалша хүнэй амбаар дүүрэн*³ «У работающего в амбаре полно», *дойбод сохилго* «ход конем» и т. д.

По вопросам теории заимствования Л. П. Ефремов пишет: «Иноязычный материал прокладывает себе дорогу в словарный состав языка, освобожденным от всего того, что не может быть воспринято языковой системой, и, наоборот, наделенным всем тем, благодаря чему становится новым словом в этой системе: иноязычный материал при заимствовании претерпевает фонетические изменения и наряду с этим приобретает грамматическую оформленность по законам грамматики заимствующего языка. Заимствование неразрывно связано с активным воздействием языка на то, что он воспринимает из внешнего источника, т. е. с преобразованием, переделкой заимствующего, прежде всего, с фонетической стороны, и приданием ему грамматической оформленности. Изменение иноязычного материала настолько типично для заимствования, настолько характеризует его как процесс, приводящий к созданию в заимствующем языке своего слова на базе чужого (которое по-прежнему продолжает оставаться в языке-источнике), что его можно считать обязательным для заимствования. Итак, лексическое заимствование — это сложный языковый процесс, завершением которого является создание нового для языка слова, а сущностью, обуславливающей весь процесс и ведущей его к завершению, — фонетическое изменение заимствуемого иноязычного материала и придание ему грамматической оформленности»⁴.

Осмысливая материал в свете этого высказывания, можно сказать, что в бурятском языке мы имеем дело не с внешним напластованием русской лексики на исконный словарь бурятского языка, а с фактами глу-

¹ Ц. Б. Будаев. Словарь русско-бурятских адекватных пословиц и поговорок, Улан-Удэ, 1959, стр. 14.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Л. П. Ефремов. Сущность лексического заимствования. «Вестник Академии наук Казахской ССР», в. 5, 1959, стр. 24.

бокого органического проникновения русских слов в лексический состав бурятского языка.

Несмотря на всеобщее признание огромной роли русского языка в развитии и обогащении бурятского языка, в исследовании этого вопроса сделано далеко не достаточно, хотя данным вопросом в той или иной мере занимались давно.

Одними из первых ученых, обративших внимание на русские заимствования в бурятском языке, были пионерами А. Орлов и А. Д. Руднев.

А. Орлов в своей «Грамматике монголо-бурятского разговорного языка»¹ отмечает, что «бурятами, особенно живущими вблизи русских городов и деревень, заимствовано много русских слов с произношением, приуроченным к бурятскому языку: *архира* — «архиерей», *уйлинсэ* — «улица», *деребен* — «деревня», *замая* — «зимовье», *пеши* — «печь», *нетулда* — «нет» и т. д.²

А. Д. Руднев в своей работе «Хори-бурятский говор»³ установил, что в хори-бурятском говоре, который впоследствии, в советское время, стал основной базой формирования и становления бурятского литературного языка, заимствованные слова из русского языка подвергаются фонетической модификации. В конце фонетической части работы им приводится перечень заимствованных из русского языка слов с их хори-бурятским произношением. При этом автором замечено, что русское ударение везде отражается в виде долготы.

Например:

Амбар — амбар	кольцо — холисо
английский — аглис	конверт — хонн'ор(то)
блоха — булутха	коробка — хоромхо
вилка — билхэ	кошка — хошхэ
ботало — потал	крупа — хурпэ, хрупэ
бочка — бошхо	кушание изъ теста } забруха
воробей — бор'бло, бор'б'ю	с водой и маслом }
голубь — гулапха	лепешка — липошха
грибы — гэрбэ	литовка, коса — ол'товха
гулять — гул'алха	мазать — мазалха
картофель — харта'wха	один — один
клоп — хулпа, кулпа	

¹ А. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, Казань, 1878.

² Там же, стр. 15.

³ См. А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. Опыт исследования. Тексты, перевод и примечания. В. I—III, Пг., 1913—1914.

окошко — онгошхо

парча — парша (к)

Петербург — Пигирбургэ

печь — бешин

Питер — н'итэр

поросенок — поршонхо

пуд — пут

рожь — ороһон

ряд — ир'ат

серп — ш'эрпэ

трамвай — тарамба

тераса, сени — хирас

тес — х'осо

улица — ул'сэ

Франция — Паранс(а)

фунт — һунтэ, пунтэ

хлеб — хил'емэн

хлев — хил'еф

целковый — солхово

чуть — шут

шпала — ошвал¹.

Последующие исследователи бурятского языка уже в советское время не раз обращались к рассматриваемой нами проблеме. Хотя бурятское языкознание пока не располагает специальным монографическим исследованием, в нем наличествует немало статей, в которых в той или иной мере освещаются различные стороны рассматриваемой проблемы. Например, проф. Т. А. Бертагаев в нескольких статьях рассмотрел вопросы заимствования русских слов и влияние русского языка на фонетическую и смысловую системы бурятского².

В работе «О заимствованных русских словах в разговорном бурятском языке» он отмечает, что «заимствование, обогащающее язык данной народности на основе его внутреннего развития и умножения лексической, морфологической и фонетической стороны языка путем привлечения всех технических средств данного языка, является величайшим прогрессивным моментом в развитии нац. языков». «Этот же закон заимствования действует и в бурятском языке. К сожалению, те немногие исследователи, которые вели работу в области влияния русского языка на бурятский, совершенно не

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. XXXVII.

² См. Т. А. Бертагаев. О заимствованных русских словах в бурятском разговорном языке. «Зап. Института культуры», в. I, Улан-Удэ, 1935; его же. Влияние русского языка на развитие фонетической системы бурят-монгольского языка. «Уч. зап. БМГПИ», в. 1, Улан-Удэ, 1947; его же. Аморфное сочетание имен (по материалам бурятского, монгольского и русского языков), «Зап. БМГИЯЛИ», в. III—IV, 1941; его же. Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурят-монгольского языка. «Сб. трудов по филологии», в. I, 1948; его же. О жанрах языка из материалов русского и бурят-монгольского языков; его же. К истории изучения бурят-монгольского языка в советский период. «Зап. БМНИИКЭ», в. IX, Улан-Удэ, 1949.

касались этой стороны вопроса. Наоборот, одностороннее толкование процесса заимствования приводит их к грубым ошибкам... Например, А. Н. Боржонова в своих небольших работах «К вопросу влияния русского языка на бурятский» и «К вопросу о взаимоотношении между бурятами и русскими», обращая главное внимание на фонетическое взаимодействие бурятского и русского языков, трактует этот интересный вопрос в изоляции от всех остальных сторон языкового процесса, не говоря об историко-социальных»¹.

В данной работе проникновение русских слов в бурятский язык он рассматривает в тесной связи с социально-экономическими и материально-бытовыми отношениями. В работе «Влияние русского языка на развитие фонетической системы бурят-монгольского языка», устанавливая основные расхождения фонетической системы этих двух языков, он выяснил, какие фонемы русского языка проникли в речевую систему бурятского языка и какие изменения они внесли.

А в работе «Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурят-монгольского языка» он показывает, какое влияние русский язык оказывает на бурятский в перестройке его внутренней смысловой системы, в расширении ассоциативной связи бурятских слов и в приобретении ими дополнительных прямых и переносных значений, имеющих отношение не только к языку художественных произведений, но и научных трудов.

Ц. Б. Цыдендамбаев в работах: «Влияние русского языка на развитие бурятского»², «Из общественно-политической терминологии в бурят-монгольском языке»³, «Язык бурятской периодической печати»⁴ рассматривает заимствованную лексику из русского языка в тесной связи с экономическим, политическим и культурным влиянием русского народа на бурятский язык.

В его работе «Влияние русского языка на развитие

¹ Т. А. Бертагаев. О заимствованных русских словах в разговорном бурятском языке. «Зап. Института культуры», в. I, Улан-Удэ, 1935, стр. 18.

² См. Ц. Б. Цыдендамбаев. Влияние русского языка на развитие бурятского. «Тр. Бурятск. комплексн. научно-исследовательского института», в. I, Улан-Удэ, 1959.

³ См. его же. Из общественно-политической терминологии в бурят-монгольском языке. «Сб. трудов по филологии», в. I, Улан-Удэ, 1948.

⁴ См. его же. Язык бурятской периодической печати. «Развитие литературных языков народов Сибири в Советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965.

бурятского» довольно подробно освещается процесс национализации заимствованных русских слов. Он пишет, что «национализация заимствований в фонетическом отношении заключается в том, что слово, вошедшее в заимствующий язык как звуковой комплекс с определенным лексическим значением, не остается в том виде, в каком оно звучало в языке-источнике, а приводится в порядок, соответствующий звуковой системе заимствующего языка, и подчиняется его действующим фонетическим закономерностям»¹. Таким образом, им устанавливается, что более ранние русские заимствования, вошедшие в разговорный бурятский язык, подвергаются фонетической переделке по звуковым законам бурятского языка, в частности, гласные звуки подчиняются фонетическому закону сингармонизма, замены и сочетания согласных подводятся под строгие нормы сочетаемости бурятских согласных и их позиционных ограничений.

О влиянии русского языка на лексическую систему и систему стилей, фразеологию и на формирование терминологической лексики, на словообразование в целом бурятского литературного языка в той или иной мере касались в своих работах Л. Д. Шагдаров², Ц. Б. Будаев³, У.-Ж. Дондуков⁴.

Ряду других вопросов взаимовлияния и обогащения

¹ Его же. Влияние русского языка на развитие бурятского, «Труды БКНИИ», в. I, Улан-Удэ, 1959, стр. 103.

² См. Л. Д. Шагдаров. Становление единых норм бурятского литературного языка в Советскую эпоху, Улан-Удэ, 1967; См. его же. Раздел «Основные процессы в развитии литературных стилей бурятского литературного языка», «Закономерности развития бурятского литературного языка в Советскую эпоху» (рукопись). РФ БФ СО АН СССР, Улан-Удэ, 1965; его же. Развитие бурятского литературного языка в советскую эпоху. «Развитие литературных языков народов Сибири в Советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965.

³ См. Ц. Б. Будаев. Раздел. Развитие фразеологии бурятского литературного языка в советскую эпоху. «Закономерности развития бурятского литературного языка в советскую эпоху» (рукопись), РФ БФ СО АН СССР, Улан-Удэ, 1965; его же. О переводах политической литературы на бурятский язык. «Развитие литературных языков Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965.

⁴ См. У.-Ж. Ш. Дондуков. О развитии общественно-политических терминов в бурятском языке. «Развитие литературных языков Сибири в Советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965; его же. Парное словообразование имен существительных в бурятском языке. «Вопросы литературного языка», Улан-Удэ, 1961; его же. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке, Улан-Удэ, 1964; его же. О развитии лексики и семантики в бурятском литературном языке в советскую эпоху (рукопись), «Закономерности развития бурятского литературного языка в советскую эпоху». РФ БФ СО АН СССР, Улан-Удэ, 1965.

бурятского языка посвящены статьи Д. А. Алексеева¹, И. В. Баранникова², А. Н. Боржоновой³ и других.

Во всех этих статьях убедительно показано, что большинство заимствованных слов стало органической частью активной лексики бурятского языка и что влияние русского языка на бурятский охватывает не только область лексики, но и отчасти морфологию и синтаксис бурятского языка. Как известно, заимствование русских слов бурятским языком происходило на протяжении более трех столетий и продолжается в настоящее время.

Рассматривая особенности развития и обогащения словарного состава бурятского языка в тесной связи с историей бурятского народа, с развитием бурятского общества, мы в своей работе подвергли анализу языковые факты двух этапов развития бурятского языка — дореволюционного и послереволюционного.

Подразделяя заимствованную из русского языка лексику на два периода, мы исходим из признания того, что «...есть глубокая принципиальная разница между прежним, дореволюционным влиянием русского языка на языки соседних народностей и между влиянием русского языка на языки народов СССР в наше время»⁴.

В результате того, что расцвет культур, национальных по форме и социалистических по содержанию, неразрывно связан с развитием их важнейшего элемента — национальных языков, за годы Советской власти они превратились в развитые литературные языки с их стилевыми разновидностями. В соответствии с этим влияние русского языка на бурятский стало совершенно иным. Если в дореволюционное время это влияние исчерпывалось только лексическим заимствованием, то в советский период оно гораздо расширилось. Вместе с тем сам характер и темпы заимствования советского периода и степень их проникновения и упрочения в лексическом составе бурятского языка существенно отличаются от дореволюционного как в количественном отношении, так и по составу заимствованной лексики.

¹ См. Д. А. Алексеев. Обогащение словарного состава бурят-монгольского литературного языка за советский период. «Зап. ВМНИИК», в. XX, Улан-Удэ, 1955.

² См. И. В. Баранников. К вопросу об освоении бурятами русских звуков. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965.

³ См. А. Н. Боржонова. О взаимовлиянии бурятского и русского языков, Верхнеудинск, Буручком, 1926.

⁴ В. В. Виноградов. Великий русский язык. М., 1945, стр. 165.

РУССКАЯ ЛЕКСИКА, ЗАИМСТВОВАННАЯ БУРЯТСКИМ ЯЗЫКОМ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Один из обширных и быстрых источников обогащения лексики бурятского языка, как и всех других национальных языков СССР¹,— это заимствование из великого русского языка и через него из других языков мира. Говоря о прогрессивном влиянии русского языка на развитие и обогащения бурятской лексики, необходимо отметить, что в советскую эпоху великий русский язык стал вторым родным языком для бурят, как и для многих других национальностей СССР. «Происходящий в жизни процесс добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка,— говорится в Программе КПСС,— имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре. Русский язык фактически стал общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов СССР»².

Если до Великой Октябрьской социалистической революции русский язык изучался в тех единичных бурятских школах, где в основном готовили из бурят толмачей, среди ограниченного количества людей и на низком уровне, то теперь русский язык изучается бурятами, как и людьми всех других нерусских национальностей

¹ О прогрессивном влиянии русского языка на языки народов СССР см. следующие работы:

В. В. Виноградов. Великий русский язык. Госполитиздат, 1945; Ю. Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР. Учпедгиз, 1958; С. А. Бурнашева. Влияние русского языка на развитие словарного состава татарского языка. «Докл. и сообщения» Института языкознания, 1955; М. П. Пулатов. Роль русского языка в развитии и обогащении словарного состава узбекского языка. Ташкент, 1956; С. К. Қазарян. Роль русского языка в обогащении и развитии словарного состава армянского языка. Автореф. дисс., представленной на соискание ученой степени доктора филол. наук. Ереван, 1952; Сб. «Социалистические нации СССР», М., 1955; Н. Ф. Цыганов. Русские и интернациональные заимствования в мордовских языках. М., 1950 и другие.

² «Материалы XXII съезда КПСС». М., Госполитиздат, 1961, стр. 407.

СССР, в школах, техникумах, высших учебных заведениях.

М. Н. Мангадаев в работе «Русский язык в школах Бурятской АССР» сообщает, что «за годы, прошедшие со времени включения русского языка в учебные планы школ национальных республик и областей, в Бурятской АССР, как и в других республиках, проведена значительная работа по созданию всех условий для успешного обучения учащихся русскому языку, в частности, написаны специальные программы и учебники по русскому языку и литературе с учетом особенностей грамматического строя родного языка»¹. В настоящее время, несомненно, трудно найти человека, который не понимал бы русского языка.

Такое добровольное изучение языка великого русского народа — один из путей массового проникновения в бурятский язык русизмов и интернационализмов.

Говоря о влиянии русского языка на бурятский в дооктябрьскую эпоху, следует обратить внимание на историю взаимоотношения бурят с русскими.

Из истории известно, что «в конце XVI — начале XVII вв. к Российскому государству были присоединены огромные пространства Сибири, простиравшиеся от Урала до Енисея. Однако на этом русские землепроходцы не остановились. Отряды казаков и служилых людей, ватаги промышленных людей неуклонно двигались все дальше и дальше в неведомые края. Появившись в конце первого десятилетия XVII в. на берегах Енисея, русские служилые люди в 1609 г. получили сведения о неизвестно им до этого народе — «братах» (бурятах)»².

Присоединение Бурятии к Русскому государству было исторически прогрессивным явлением. Оно освободило бурятский народ от многовекового ига монгольских ханов и феодалов, приобщало бурят к более высокой культуре, способствовало подъему производительных сил. С этого момента начинается новый этап взаимоотношений между русским и бурятским народами, культурное влияние русских на бурят становится все шире и глубже.

¹ Русские люди на бурятских землях строили остроги. «Удинский, Селенгинский, Баргузинский, Нерчинский и

¹ М. Н. Мангадаев. Русский язык в школах Бурятской АССР. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965, стр. 150.

² «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 90.

другие остроги образовали сеть укреплений, господствовавших над всей территорией Забайкалья. Эти остроги вместе с тем являлись административными и торговыми пунктами края. Построение острогов, появление вокруг них заимок служилых людей и пашенных крестьян и способствовали оживлению мирных торгово-меховых и бытовых отношений между русскими и бурятами»¹.

В результате такого общения к бурятам проникали промышленные товары, в том числе фабричные ткани, стали меняться быт и хозяйство бурят. Все это оставило заметный след в лексике бурятского языка.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции начинается качественно новый этап во взаимоотношениях нерусских национальностей с русским народом. Это выражается в политической и экономической общности народов СССР. В Программе КПСС говорится: «Опираясь на взаимную братскую помощь, в первую очередь на помощь великого русского народа, все советские национальные республики создали у себя современную промышленность, национальные кадры рабочего класса и интеллигенции, развили национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру»². Прогрессивное влияние русской культуры на бурятскую, как и на культуру других наций, в советскую эпоху поднялось на новую, высшую ступень.

То, что бурятским языком, как и языками других народов СССР, в массовом масштабе заимствованы и заимствуются русские слова и через русский язык интернационализмы, объясняется именно указанными здесь обстоятельствами.

В своем отношении к заимствованным словам мы должны исходить из известных высказываний классиков марксизма-ленинизма о языке, в частности о заимствовании иноязычных слов.

В произведениях классиков марксизма-ленинизма имеются высказывания, непосредственно касающиеся заимствованных слов. Из них вытекает два основополагающих вывода.

Фридрих Энгельс в предисловии к первому немецкому изданию книги «Развитие социализма от уто-

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 98.

² «Материалы XXII съезда КПСС», М., Госполитиздат, 1961, стр. 330.

пии к науке» писал: «Но ведь первоначально она (т. е. книга «Развитие социализма от утопии к науке». — У. Д.) была написана вовсе не для непосредственной массовой пропаганды в массах. Могла ли для этого пригодиться работа, прежде всего, чисто научная? Какие изменения необходимы по форме и содержанию? Что касается формы, то только частое употребление иностранных слов могло вызвать сомнение. Но уже Лассаль в своих речах и пропагандистских брошюрах не очень скупился на иностранные слова, и, насколько мне известно, на это не жаловались. А с того времени наши рабочие гораздо усерднее и более регулярно читают газеты и благодаря этому больше освоились с иностранными словами. Я ограничился тем, что устранил все излишние иностранные слова. Но оставляя необходимые, я отказался от присоединения к ним так называемых пояснительных переводов. Ведь необходимые иностранные слова, в большинстве случаев общепринятые научно-технические термины, не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод только искажает смысл; вместо того, чтобы разъяснить, он вносит путаницу. Устные разъяснения помогают в таком случае гораздо больше»¹.

Из этих слов Ф. Энгельса явствует необходимость заимствования в языки народов мира общепринятых терминов, иначе говоря, интернациональных слов, так как они, во-первых, не поддаются переводу ни на какой язык, во-вторых, перевод их искажал бы смысл подобных терминов, вносил бы путаницу.

В связи с этим следует заметить, что русские слова-советизмы также не поддаются переводу на другие языки. Такие слова, как «колхоз», «Советы», «большевик», «ленинизм», «ударник», «спутник», «лунник», заимствованы многими языками мира, таким образом, они также стали интернациональными.

Высказывания о русских словах-советизмах, ставших интернациональными, имеются у В. И. Ленина. Так, например, 6 марта 1920 г. в речи на торжественном заседании Московского Совета, посвященном годовщине III Интернационала, он говорил: «Посмотрите, как распространяются во всем мире наши уродливые слова, вроде слова «большевизм». Несмотря на то, что мы называемся партией коммунистической, что назва-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., издание второе, т. 19, 1961, стр. 321—322.

ние «коммунист» является научным, общеевропейским, оно в Европе и других странах меньше распространено, чем слово «большевик». Наше русское слово «Совет» — одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски»¹.

На советизмы, ставшие интернациональными словами, В. И. Ленин указывал и в ряде других работ. В работе «Об очистке русского языка» он писал: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы»². Из этих слов вытекает принципиально важный вывод о необходимости максимального использования в языкотворчестве средств родного языка.

Следовательно, из высказываний классиков марксизма-ленинизма о заимствованиях вытекают два принципиально важных вывода:

1) интернациональные слова не должны переводиться ни на какой язык, иначе искажается их смысл;

2) в то же время нельзя допускать злоупотребления иноязычными словами: если в данном языке имеются слова, точно и ясно выражающие то или иное понятие, то не следует заимствовать соответствующие слова из другого языка, так как это портит язык, вносит в него путаницу.

В истории бурятского языка проявлялось разное отношение к русским и интернациональным заимствованиям: В период функционирования старомонгольской и латинизированной письменностей было стремление развивать общественно-политическую терминологию бурятского языка лишь в рамках монгольских языков, закрывая доступ заимствованию советизмов и интернационализмов, игнорируя все заимствования в первые годы Советской власти. В связи с этим на совещании при секции языка и письменности Института культуры была принята резолюция от 29 августа 1931 года, где дается следующее руководящее указание: «Признавая огромное значение развития нового литературного языка на основе цакающего селенгинского наречия, совещание считает необходимым больше обращать внимания к явлениям и закономерностям бурят-монгольского языка по сравнению с прошлым, интернационализиро-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., издание пятое, т. 40, 1963, стр. 204—205.

² Там же, т. 40, стр. 49.

вать в большей степени терминологию и не избегать в дальнейшем русских революционно-марксистских терминов, тем более что такие термины уже проникли в язык колхозной массы»¹. С научным обоснованием этого пункта резолюции выступали со статьями в свое время Г. Ринчино², И. Дампило³, Б.-Д. Тогмитов и другие.

Примерно с 1938 г. в развитии бурятского литературного языка было взято направление на превалирующее заимствование русизмов. В тот период в бурятский язык заимствовались такие слова, содержание которых вполне могло бы быть передано адекватными словами из бурятского языка.

Только в послевоенный период в развитии бурятского литературного языка вопрос о заимствовании был поставлен на научную основу. Благодаря этому теперь заимствуются только те русские и интернациональные термины и слова, которые не поддаются переводу и являются общим терминологическим фондом для всех языков народов Советского Союза.

ОСНОВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

В описываемый период в лексику бурятского языка проник ряд русских слов, обозначающих более эффективные методы ведения хозяйства, более совершенные орудия труда, а также некоторые элементы труда. Большею частью заимствовались слова, связанные с сельским хозяйством, в частности с земледелием.

К русским словам, проникшим в бурятский язык в давнее время, можно отнести название основной сельскохозяйственной культуры *орооһон* со значением «зерно», которое этимологически восходит к русскому слову «рожь».

Ранним русским заимствованием в бурятском языке бесспорно является и слово *орос, ород* «русский». Об этом свидетельствует его фонетический облик. Дело в том, что первоначально русских называли «русами». В

¹ Резолюция совещания и дискуссии при секции языка и письменности Института культуры. «Вестник Института культуры», Бургосиздат, 1931, № 2—3, стр. 92.

² См. Г. Ринчино. К проблеме бурят-монгольской терминологии. «Вестник Института культуры», 1931, № 2—3.

³ См. И. Дампило. Итоги языкового строительства Бурят-Монголии, Улан-Удэ, 1936.

русском языке название «Русь» и его производные появились и вошли в обращение в IX веке¹.

В бурятском языке на базе русского заимствования «орос», «ород» позднее создан ряд слов и словосочетаний: *ородшолхо* «переводить на русский язык», *ородоор* «по-русски», *ород хэрээһэн* «русский крест», *ород пезшэн* «русская печь», *ород дасан* «русская церковь», *ород хүн* «русский человек», *ород ном* «русская книга или грамота».

В 1666 г., то есть в середине XVII века, в жизни бурятского народа произошло важное историческое событие: Бурятия присоединилась к Русскому государству. Это было прогрессивным явлением. Оно положило начало систематическим и тесным сношениям бурят с русским населением.

Слова, заимствованные в бурятский язык в описываемый период, можно разбить на целый ряд лексико-семантических групп.

1. Заимствования, относящиеся к сельскохозяйственному труду. До соприкосновения с русскими буряты имели примитивные орудия и методы ведения хозяйства.

Лишь после присоединения Бурятии к Русскому государству, когда русские стали располагаться деревнями рядом с бурятами, последние начали заимствовать у русских более совершенные орудия труда и эффективные методы ведения хозяйства. «Земледелие, основы которого были заложены во второй половине XVII в., получает более широкое распространение в первой половине XVIII столетия. Это определялось не только ростом заселения края, но и условиями снабжения земледельцев сельскохозяйственными орудиями. По мере усиления торговых связей с европейской частью России, добычи железа в крае, роста ремесла «домашней промышленности» в Прибайкалье все больше и больше распространялись сошники, серпы, косы, железный «уклад» для телег, железо для разных хозяйственных поделок. Русские земледельцы приобретали опыт хлебопашества в местных условиях, их навыки воспринимали начинающие земледельцы буряты»².

Буряты, перенимая у русских некоторые методы ве-

¹ См. П. Я. Черны х. Очерк русской исторической лексикологии (древнерусский период). Изд-во МГУ, 1956, стр. 99.

² «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 122.

дения хозяйства, позаимствовали соответствующие русские названия. К подобным русским заимствованиям в бурятском языке можно отнести: *загуун* «загон», *мужаа* «межа», *сүшээг*, *шүшээг* «сусек», *сүшылэ* «сушило», *борнойлхо* «боронить», *борнойлго* «боронование», *бураздаа* «борозда», *ладуун*, *лодоон* «ток для молотбы хлеба», «ладонь», *паар* «пар», «пары», *паарлаха*, *паар халха* «вспашка паров», *патрааба* «потрава», *заалис* «залежь», *ижниибэ* «жнива», *дистиинэ* «десятина».

В «Истории Бурят-Монгольской АССР» сообщается, что «буряты, нуждаясь в растительной пище, сначала выменивали хлеб у русских, затем сами стали заводить хлебопашество, обрабатывая землю не мотыгами и лопатками, а сохами, заимствованными у русских крестьян»¹.

В словарном составе бурятского языка и в его говорах имеется ряд русских слов, обозначающих сельскохозяйственные полевые орудия труда: *орсойхо*, *хомо орсоохой* «рассоха»², *сээрнэ*, *шээрнэ* «серп», *ольтообхо*, *литобхо* «литовка», «коса», *молтии* «молотило», *борной*, *бурной* «борона»³, *сохаа* «соха», *сошник*⁴ и т. д. Заимствованное слово *сохаа* «соха» встречается лишь в некоторых говорах добайкальского наречия бурятского языка. Позже, к концу XIX века, с появлением новых сельскохозяйственных орудий были заимствованы: *пүлүүг*, *пүлүүгэ* «плуг», *молотиилхо* «молотилка» и т. д.

Сенокосение среди забайкальских бурят начало развиваться в XIX веке. В «Истории Бурят-Монгольской АССР» сообщается о том, что в указе Селенгинской воеводской канцелярии в 1739 г. об отводе земель бурятам Харанутского рода говорится о местах «под стойбище юртами», сенокосах, выпуске для скота и для «звериного промыслу». Таким образом, среди угодий различались выпуски для скота и сенокосы»⁵.

В это время, следует предполагать, были заимствованы бурятами от русских слова *обин* «овин», *тээлник* «тельник», *посхоодник*, *посхоод* «поскотина», «изгородь

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 129.

² Д. Г. Дамдинов. О сельскохозяйственной терминологии бурятского языка. «Вопросы литературного языка», Улан-Удэ, 1963, стр. 107.

³ Там же, стр. 104.

⁴ И. М. Манжигеев. Янгутский бурятский род, Улан-Удэ, 1960.

⁵ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 129.

вокруг выгона», *ханааб* «канава для орошения сенокосного угодья» и т. д.

«С 1740-х годов среди забайкальских бурят начали распространяться косы-горбуши, приобретенные у русских. Эти косы имели рукоятки и напоминали несколько выпрямленный и удлиненный серп»¹.

Бурятское население, перенимая и постепенно усваивая от русских земледельцев приемы и навыки земледельческого хозяйства, приобретало у них не только орудия сельского хозяйства, но и зерно.

Поэтому в бурятском языке можно встретить целый ряд русских слов, обозначающих хлебные и другие растения, например: *ешмээн* «ячмень», *яарса* «ярица», *шэниисэ* «пшеница», *гэршүүхэ* «гречиха», *пороос*, *пороосо* «просо», *обеос* «овес», *пааданха* «паданка», «падалица», *зелеонхо* «зеленка», *хоолос*, *хоолсо*, *хооломсо* «колос, колосья», *мэхиинэ* «мякина», *һолоомон* «солома», *орооһон* «зерно», «зерна» от заимствованного слова «рожь», *оожом* «озимь», *ороод* «озимая рожь» и т. д.

2. Заимствованные названия пищи, напитков и овощей.

Среди дореволюционных русских заимствований довольно многочисленную группу составляют названия пищи, напитков и овощей. Например: *хилээмэн* «хлеб», *хүбэрэг*, *хүбэриг* «коврига», *хүбэрэг* (*хүбэриг*) *хилээмэ* «хлеб, коврига», *хүрпээ* «крупа», *халааша* «калач», *саахар* «сахар», *үстүүдин*, *үстүүжэн* «студень», *лабшаа* «лапша», *пильмээн* «пельмени», *сухаара*, *сухаари* «сухари», *сүүшхэ* «сушки», *шаанди* «шаньги», *шэниисын гурил* «пшеничная мука», *яарсын гурил* «ржаная мука», *саламаад* «саламат», *забарууха* «заваруха» и т. д. Название корма для домашних животных: *бурдууг* «бурда» (пойло). Название овощей: *хартаабха* «картофель», *бүүльбэ* «бульба», *хапууса* «капуста», *үгэрсэ*, *гүрсэ* «огурцы», *морхоог*, *морхообхо* «морковь», *лүүг* «лук», *шисноог* «чеснок», *эрээдьхэ* «редька», *эрээбхэ*, *эреэбхэ* «репа» и т. д.

Названия напитков: *хубааһан* «квас», *боодхо* «водка», *монопооли* «монополия (водка)», а также названия различных видов табака: *тамхин* «табак», *хартуус тамхин* «трубочный табак под названием «картус», *самааад* «самосад», *попироос* «папиросы», *мохоорхо* «махорка».

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 129.

Эти русские слова на почве бурятского языка выступают в несколько иной фонетической форме, то есть в фонетически ассимилированном виде, а для фонетической ассимиляции заимствований нужно немалое время. Предполагается, что эти слова в бурятский язык начали проникать с конца XVII и в начале XVIII века, когда буряты постепенно осваивали земледелие.

Для обозначения одного из ранних заимствованных сельскохозяйственных культур — картофеля в различных говорах бурятского языка употребляются разные названия. В говорах добайкальского наречия бурятского языка «картофель» именуют: *яббла, ябалха, газарай ябалха*. Об истории названия «картофель» проф. П. Я. Черных в работе «Очерк русской исторической лексикологии» пишет следующее: «Есть одна овощная культура, ставшая народной, которая, однако, появилась у нас поздно, только во второй половине XVIII в. Речь идет о картофеле»¹. Далее он пишет: «Можно отметить, впрочем, заглавие такой книжки, как «Наставление о разведении земляных яблок, потетес именуемых» (СПб, 1765), но и здесь в качестве обычного названия нового в Европе растения употреблено земляные яблоки. Действительно, на первых порах у нас предпочтительно перед другими наименованиями картофеля употреблялось, возможно, калькированное с французского, земляные яблоки (срав. франц. *pommes de terra*.) Иногда их просто называли яблоки»². В других говорах бурятского языка «картофель» называется то *буульбэ*, то *хартаабха, хортоошко, хортообхо* и т. д. Многие особенности лексического заимствования трудно объяснить, если не знать лексических и фонетических особенностей говора местного старожилго русского населения Забайкалья. Например, чем объяснить появление в тугунском и цонгольском говорах бурятского языка заимствованного слова *буульбэ (гуульбэ — в цонгольском)*? Это объясняется тем, что «бульбой» называют картофель семейские, проживающие в Тарбагатайском, Мухоршибирском, Бичурском и Кяхтинском районах Бурятской республики, а также белорусы.

Ц. Б. Будаев и П. Ф. Калашников в своей работе «О некоторых русских заимствованиях в бурятском языке

¹ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Изд-во МГУ, 1956, стр. 61.

² Там же, стр. 62.

дореволюционного периода»¹ утверждают, что семейские слово «бульба» усвоили у белорусов, когда они в XVII и начале XVIII века жили на территории Белоруссии в районах Ветки и Стародуба. Об этом же сообщает и Л. Е. Элиасов. Как известно, предки семейских в конце XVII — начале XVIII века во время преследований за раскол переселялись в пределы Польши. Затем им было разрешено вернуться в Россию и селиться в Поволжье и Сибири. Основная масса семейских переселялась в Забайкалье в 60-х годах XVIII века.

Между тем знакомство забайкальских бурят с овощными культурами и пашенным земледелием произошло, можно предполагать, гораздо раньше. В «Истории Бурят-Монгольской АССР» отмечается, что жители Селенгинского острога, который был основан в 1673 г., выращивали огурцы, капусту, чеснок и другие овощи. Видимо, это были первые огороды в Забайкалье. Отсюда следует предполагать, что названия картофеля в виде *яббла*, *ябалха*, *газарай ябалха* были заимствованы у русских гораздо раньше, то есть в XVII веке, чем заимствованные названия картофеля: *бүүльбэ*, *хартаабха*, *хортообхо*, *хортоошхо* и т. д. Заимствованное слово «бульба» можно считать распространившимся со времени переселения семейских в Забайкалье, то есть с XVIII века. А названия *хартаабха*, *хортообхо*, *хортоошхо* могли проникнуть в бурятский язык только в XIX веке, так как лишь в это время в самом русском языке слово «картофель» получает широкое распространение.

Из названий сельскохозяйственных овощных культур, проникших в бурятский язык в описываемый период, следует отметить *хапууса*, *хабууса* «капуста», *гүрсэ*, *үгэрсэ* «огурцы», *морхоог* «морковь», *эрездхэ* «редька», *эрэна*, *эрээнэ* «репа», *лүүг* «лук», *шисноог* «чеснок» и т. д.

Исходя из исторических сведений², проникновение русских слов «рожь», «пшеница», «гречиха», «овес», «ячмень», «конопля», «редька», «морковь», «репа», «капуста», «лук» и «чеснок» в бурятский язык можно датировать первой половиной XVIII века. О том, насколько глубоко и прочно вошли русские названия, связанные с пищей, в бурятский язык, свидетельствуют бурятские

¹ См. Ц. Б. Будаев, П. Ф. Калашников. О некоторых русских заимствованиях в бурятском языке дореволюционного периода. «К изучению бурятского языка», Улан-Удэ, 1969.

² См.: «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 126—127.

эпические произведения. Например, в «Абай Гэсэре» говорится: «*Болдогоор хэмнэжэ мяха гаргаба. Нуураар хэмнэжэ архи воодхо гаргаба*»¹ (Вынесли мясо мерой с гору, вынесли арахы мерой с озеро).

Үдэшэни времада
Үүжинэйн үхэ юумэл (Гэсэр, 1985 строка)
«В вечернее время ужин надо подавать»².

3. **Займствования, обозначающие строения, жилища, домашнюю утварь, посуду.** Сразу же после присоединения Бурятии к Русскому государству в Забайкалье начали возникать русские села, деревни и города.

Лексика, характеризующая поселения, представлена такими словами, как *сэлезн* «селение», «село», «поселок», *үйлсэ* «улица», *дэрээбэн* «деревня», *гоород* «город» и т. д.

А. И. Уланов в работе «Отражение дружбы с русскими в бурятском народном творчестве» говорит, что бурятский народ создал «много легенд и преданий о возникновении русских городов, сел и деревень. В бурятских улигерах говорится:

Имээлээ табиһан газартань
Ирхүү гоород бодобол,
Тохомоо табиһан газартань
Тобоол город бодобол.

Там, где герой положил седло,
Возник город Иркутск,
Там, где герой положил потник,
Возник город Тобольск»³.

В «Истории Бурят-Монгольской АССР» сообщается, что еще в XVIII веке наряду с юртами в улусах западных бурят стали появляться деревянные постройки — избы и амбары. Например, в Балаганском ведомстве в 50—60-х гг. XVIII века существовали, кроме юрт, следующие постройки: «Изба теплая без полу и без крыши, амбар с сусеками и крышей» (постройка 1759 г.); «изба теплая с полом, на избе крышка, амбар с сусеками и крышкой» (постройка 1767 г.); «изба теплая с полом и крышкой, амбар с сусеками с крышкой, овин с гуменником» (постройка 1766 г.)»⁴. Далее там же сообщается, что богатые буряты имели «избу по русскому обыкнове-

¹ «Абай Гэсэр». Улан-Удэ, 1960, стр. 86.

² М. П. Хомонов. Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят. «Труды БКНИИ СО АН СССР», в. I, 1959, стр. 139.

³ А. И. Уланов. Отражение дружбы с русскими в бурятском народном творчестве. «Тр. БКНИИ», Улан-Удэ, 1959, стр. 131.

⁴ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 124.

нию с сениями и горницей, три других избы без сеней, три крытых амбара с сусеками, овин с гуменниками и баню»¹.

С этого времени можно датировать заимствования, обозначающие надворные постройки, которые строили сами буряты при переходе на оседлый образ ведения хозяйства. К ним можно отнести такие слова, как *амбаар* «амбар», *забуужан* (обл. «завозня») в значении «каретный сарай», *сарай* «сарай», *холдобой* «кладовая», *бартаа* «ворота», *сээни*, *сээниг* «сени».

Среди них находим заимствования, обозначающие дом и его принадлежности. Например, *онгоошхо* «окошко» (отсюда встречаем в бурятском языке производные от него образования: *онгоошхын шэл* «оконное стекло»), *хэрэлсээ*, *хэрэнсээ* «крыльцо», *потолоог* «потолок», *поол* «пол», *палааха* «плаха», «пол», *маатинса* «матица», *харниис* «карниз», *астаабин* «ставни», *араама* «рама», *дарнииса*, *дараанса* «драница», *хеос*, *теос* «тес», *холлоод*, *хулууда* «колода», *налишник* «наличники», *пешэн* «печь», *ушааг* «очаг», *пилтаа* «плита», *подпооли*, *бодбооли* «подполье», *гооринсо* «горница», *турбаа* «труба», *забаалин* «завалинка».

В эпических произведениях встречаем заимствованные слова: *доом* «дом», *бартаа*, *буртаа* «ворота», *заямха* «заямка». Например, в «Абай Гэсэре»: «*Гэр тээшээ гэшүүлбэ, доомо тээшээ дугшуулба, гэр доомодоо ерэжэ Абай Гэсэр хаан...*»² (Повернули домой, отправились домой. Приехали домой и Абай Гэсэр хан...); в «Ерэнсэй мэргэне»: «*Нэгэ аалида заямха болгон нуулгахашняаб*»³ (На другой стороне займой обоснуйся).

Наиболее многочисленную группу дооктябрьских заимствований составляют названия домашней утвари, посуды и мебели. Например: *хабаашняа* «квашня», *боошхо* «бочка», *горшоог* «горшок», *яшааг* «ящик», *мэшээг* «мешок», *сүндүүг* «сундук», *асхаама* «скамья» *подноос*, *боднос* «поднос», *ухбаад* «ухват», *шүгүүнхэ*, *шобуунха*, *шомуунха*⁴ «чугунный горшок», *хульхаа* «ключка», *лаампа* «лампа», *хорыто* «корыто», *самбаар* «самовар», *замаг* «замок», *лоом* «лом», *биилхэ* «вилка», *шай-*

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I. стр. 124.

² «Абай Гэсэр», Улан-Удэ. 1960, стр. 85.

³ М. П. Хомонов. Указ, соч., стр. 143—144.

⁴ Д. А. Абашеев. Тункинский говор. «Исследование бурятских говоров», в. I, Улан-Удэ, 1965, стр. 31.

ниг «чайник», бороонхо «воронка», собоог «совок», заастаб «заступ (лопата)», ушхааб «шкаф», остоол «стол», үстүүл «стул», түбүрээтхэ «табуретка», хастрюул «кастрюля», оохолуб, оохолиб, оохлоби¹ «гребень крыши, конек», бшинэг, беэниг «веник», митлаа «метелка», «пихло» (для снега и навоза).

О большой распространенности вышеприведенных заимствованных слов свидетельствует то, что они широко употребительны в фольклорных произведениях. Например:

Түмэр хара сүндэг соо
Алтан хуурсаг,
Алтан хуурсаг соонь
Арбан хоёр хэдэгэнэ. (Д.Г.2910)
Дүрбэн дабхар зоонтиг
Дээрээ татан гүйлгэнэ. (Д. Г.)
Эрэн долоон мэшээгтү
Яһа уһайн мэшээглэн абаба.
(Гэсэр, 2420)

В черном железном сундуке —
Золотой гроб.
А в золотом гробу —
Двенадцать оводов.
В четыре слоя зонтик
Поверх себя натягивает.
В девяносто семь мешков
Накладывают его кость и
жидкость².

4. Заимствованные слова, обозначающие одежду, обувь, головные уборы, украшения.

Буряты, живя в непосредственном соседстве с русскими, позаимствовали у них некоторые элементы одежды, обуви, головные уборы, в результате чего в бурятский язык проникли и их названия. Например: *сабхи*, *сабая* «сапоги», *пулаад* «платок», *пинжааг* «пиджак», *жэбхүүн*, *зэпүүн* «зипун», *хармаан* «карман», *баарья* «варежки», *пиршаатха* «перчатки», *шаарна* «шарф», *шаали* «шаль», *заплаадха* «заплата», *сатиин* «сатин», *сиидсэ* «ситец», *пумаажан*, *пумажээ* «бумазея», *сохноо* «сукно», *хаблууг* «каблук», *союус* «союзка» (у обуви), *сандаали* «сандали», *хаатанха* «катанки», *сарпаан* «сарафан», *элеэнтэ* «лента», *хоондорь* «кондырь», *батынха* «ботинок», *хураашха* «фуражка».

5. Заимствованные названия средств связи и передвижения.

Русская лексика, проникшая в бурятский язык в дореволюционный период, представлена и названиями средств связи и передвижения, некоторые из которых освоены бурятами у русских. В деловых бумагах

¹ Д. А. Абашеев. Тункинский говор, «Исследования бурятских говоров», в. I, Улан-Удэ, 1965, стр. 31.

² М. П. Хомонов. Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят, стр. 142—143.

степных дум встречаются заимствованные слова: *поочиту* «почта», *таракта* «тракт», *гати* «гать». Одним из старых названий, относящихся к средствам передвижения, является слово *емшэг*. Оно восходит к русскому «ямщик» в значении «вожатый, возница, погонщик на почтовых»¹. Возможно, первоначально это слово было заимствовано из русского языка бурятским в том же значении, что и в русском, и имело форму *ямшаг*. Однако со временем оно приобрело в бурятском языке несколько иное значение и иную форму — *емшэг*. Например, в бурятском языке слово *емшэг* может употребляться в следующих значениях: *емшэг шэрэхэ* «участвовать в извозе товаров», *емшэгтэ ошохо* «ехать на извоз товаров». Из этих примеров видно, что заимствованное из русского языка слово «ямщик», потеряв значение лица, стало употребляться в значении «извоз». Этимологически слово «ямщик», по-видимому, восходит к монгольскому слову *дзам*, *йам* «путь, дорога». Это слово когда-то, вероятно, было заимствовано русскими от тюрков, последние в свою очередь позаимствовали его от монголов, а обратно к бурятам оно пришло через русский язык. Об этом свидетельствует не только его фонетический облик, но и то, что данное слово имеет русский словообразовательный суффикс *-щик*.

К названиям средств передвижения относятся слова, связанные с гужевым, водным транспортом:

1. Названия различных видов телег и саней, например: *однохоол* «одноколка», *тарантаас тэргэ* «тарантас», *хашабаа* (обл. «кошева») «розвальни» (сани), *хубаанха* «кубанка», *таратайха* «таратайка», *ходоог тэргэ* «дрожки, четырехколесная телега», *дорообниг* «дровни» (сани), *побоосхо* «повозка».

В «Абай Гэсэре» встречаем заимствованное слово *побоосхо* «повозка».

Гэрэл мүнгэн повоозходо Посадив Урмай Гохана
Урмай Гоохоноо нуулгажа...² на зеркально-серебряную повозку...

2. Названия средств водного и других видов транспорта, например: *нэрэбоозо* «перевоз», *баад* «бат — лодка», *хаарбаза* «карбас», «паром», *порхоод* «пароход», *порбооз* «паровоз», *прибоочиг* «перевозчик».

3. Названия отдельных частей телеги: *нэрэдхаа*,

¹ В. Даль. Толковый словарь, т. IV, М., 1955, стр. 678.

² «Абай Гэсэр», стр. 57.

нэртихэ «передок», зартиха «задки (у телеги)»¹, оглёобо «оглобли», хоозол «козлы», шобоорин, шобоорниг «шкворень», хольсоо «колесо», пайлса «спицы (колесные)», подоосхо, поодосхо, поодорго «подреза» (у саней), устууниисэ «ступица», түүлхэ «втулка».

4. Названия предметов упряжи, например: *хомууд «хомут», сидеолхо, шожуулха, шошоолхо, шодоолхо² «седелка», шильяа «шляя», собхоон, сопоон, сүпөөн «супонь», гүүжэ «гужи», дугаа, дугааг «дуга», боожо «вожжи», сэртеэниг, шэрэсдеэлниг «чересседельник», постороонхо «постромка», нагайха «нагайка».*

6. Заимствованные военные термины

Из истории известно, что отдельные роды и племена бурят в пограничных с Монголией и Китаем районах вместе с русскими солдатами и казаками несли караульную службу. Еще в первой половине XVIII века в пятнадцати пограничных караулах служили отряды бурят из Цонгольского, Ашебатского, Табангутского, Сартульского и 11 хоринских родов. Поэтому буряты подразделялись на хасаг буряад (буряты-казаки) и отог буряад (родовые буряты). В 60-х гг. XVIII века бурятские дружины были реорганизованы в казачьи полки. Во главе бурятского казачьего войска стояли выборные начальники: атаман, четыре полковых есаула, сотники, пятидесятники и десятники.

Позднее буряты-казаки призывались на военную службу и участвовали в русско-японской и первой империалистической войнах. За время несения погранично-караульной и военной службы буряты постоянно общались с русскими, в результате в их лексикон проникали русские слова, связанные и с военным делом. Через этих казаков-бурят военные термины входили в лексику широких масс бурятского народа, например: *аписээр «офицер», янараал «генерал», заһуул «есаул», полхообниг «полковник», үүнтир «унтер», батареэ «батарея», поолхо «полк», гарнизоон «гарнизон», бирдаан «берданка», нагаан «наган», хинжаал «кинжал», бинтообхо «винтовка», окооп «окоп», боомбо «бомба».* Многие тер-

¹ См. Ц. Б. Цыдендамбаев. Влияние русского языка на развитие бурятского. «Тр. Бурятского комплексного научно-исследовательского института», в. I, Улан-Удэ, 1959, стр. 105.

² См.: М. П. Хомонов. Боханский говор. «Исследование бурятских говоров», в. 1, Улан-Удэ, 1965, стр. 65.

носящиеся к понятиям военного дела, названия должностных лиц, войсковых подразделений, военных сооружений. Например: *ообер аписер* «обер-офицер», *остобной салдад* «отставной солдат», *бригаданой* «бригадный», *атамаан* «атаман», *штаб* «штаб», *гинаральной штаб* «генеральный штаб», *бригадир, полхообниг* «полковник», *прапорчиг* «прапорщик», *поол, пол, поолха* «полк», *рикруд* «рекрут», *ридута* «редут», *гарнизонг* «гарнизон», *пекид* «пикет» и др.

Русские названия охотничьих инструментов и орудий были заимствованы бурятами вместе с самими предметами, например: *хабхаан* «капкан», *бирдаан* «берданка», *дорбииг, дорообииг* «дробовик», *харшаага* «корчага».

7. Заимствованные слова, обозначающие торговлю, товары, деньги. После добровольного вхождения Бурятии в состав России, по мере заселения и хозяйственного освоения края в Бурятии стала развиваться торговля. Забайкальские буряты и русские крестьяне продавали лошадей, рогатый скот и выменивали их на чай, холст и дабу.

В начальный период преобладала меновая торговля, затем стала расти денежная. Например, в 50—60-х гг. XVIII века закупка скота в Забайкалье производилась приезжими купцами путем обмена на товары¹. Со второй четверти XVIII века Бурятия играет значительную роль в торговле России с Китаем через Кяхту².

Таким образом, из истории Бурятии видно, что слова, обозначающие торговлю, товары, деньги, начинают проникать из русского языка в бурятский в начале XVIII века. Однако интенсивный приток подобных русских слов начинается со второй четверти XVIII века, когда Бурятия стала играть активную роль в торговле между Россией и Китаем через город Кяхту.

К русским заимствованиям дореволюционной эпохи, характеризующим торговлю, деньги и товары, относятся слова: *шарбуунса* «червонец», *солхообо, солхооб* «целковый», *полтеэниг* «полтинник», *хопеэхэ* «копейка», *поргоон* «прогонные деньги», *сиидсэ* «ситец», *сатин* «сатин»,

¹ См.: «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 133—134.

² Там же, стр. 134; см. Е. П. С и л и н. «Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли», Иркутск, 1947.

хашамиир «кашемир», *хумпараа мүйлэ* «камфорное мыло», *ниидхэ* «нитка», *сарпиинха* «сарпинка», *атлаас бүд* «атлас», *хармазиин бүд* «кармазин», *полотноо* «полотно», *бяз* «бязь», *баархад* «бархат», *мотоог* «моток (ниток)», *оргоожо* «рогожа», *хобеор* «ковер», *баар* «вар», *мохоорхо* «махорка».

Кроме того, в бурятский язык проник ряд русских слов, обозначающих торговые предприятия и места: *лаабха, алаабха, алаабхи* «лавка», *ярмаг* «ярмарка», *мангазее, манжээ, мангажээ* «мангазея», *мангазиин* «магазин».

Имеется ряд названий лиц, связанных с торговлей: *хүпээс* «купец», *прихаашиг* «приказчик», а также и другие названия: *задаатха* «задаток», *нахлаад* «убыток», *нахлаадтаха* «быть в накладе, терпеть убыток», *сээ* «цена», *штараб* «штраф», *таагса* «такса».

«В пореформенный период в Сибири и в Бурятии,— сообщается в «Истории Бурятской АССР»,— значительно оживляется торговля, обусловленная прежде всего развитием капитализма в центре России. Развивающийся русский капитализм «создавал себе рынок для своих фабрик» и в Сибири и, в частности, в Бурятии»¹.

В материалах фонда Хоринской степной думы зафиксированы заимствованные торгово-промышленные термины из русского языка. Например: *экономическе манггази* «экономический магазин», *посиссионной пабриг* «посессионная фабрика», *завод* «завод», *машина* «машина», *рудник* «рудник», *приискэ* «прииск», *тамужин* «таможня», *тооруга* «торга», *артилле* «артель» и т. д.

Г. Ринчино в работе «К проблеме бурят-монгольской терминологии» относительно проникновения русских торгово-промышленных терминов в бурятский язык пишет следующее: «Русский торговый капитал через своих агентов-мясопромышленников привил бурятскому языку следующие понятия и термины: *күпээс* «купец», *торгообой* «торговец», *задаадха* «задаток», *араспииска* «расписка», *подпииска* «подписка», *хонтараагта* «контракт» и т. д.»².

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», стр. 287—288.

² Г. Ринчино. К проблеме бурят-монгольской терминологии «Вестник Института культуры Бурят-Монгольской АССР», Бургосидат, 1931, № 2—3.

В бурятских эпических произведениях также встречаются эти термины. Например, в «Аламжи Мэргэне»:

Губан зуун пирхаашаг
гэлгэн нэтхэн байналдаа¹.

Триста продавцов торгуют
(меняют и продают).²

8. Заимствования, выражающие понятия административного управления и суда.

В результате приобщения бурят к русской государственности им пришлось вступать в непосредственные связи и сношения с местными властями, что способствовало массовому заимствованию в бурятский язык слов, связанных с административным управлением и судом.

Основной наплыв подобных русских слов в бурятский язык начался в конце XVII и в течение XVIII века, когда в административном делении и системе управления в Бурятии произошли важные изменения. В конце XVII века «на территории Восточной Сибири было организовано несколько уездов во главе с воеводами, которые в своей деятельности должны были руководствоваться указами, издававшимися Сибирским приказом»².

Добайкальские буряты находились в ведении Иркутского воеводства, которое было создано в 1682 г., а забайкальские буряты — в ведении Нерчинского воеводства. «В острогах, входивших в состав уезда, сидели управители и приказчики, назначавшиеся обычно из детей боярских и казачьих атаманов»³.

В связи с административным делением Восточной Сибири в бурятский язык проникло много русских слов. Видимо, с конца XVII и начала XVIII века начали проникать в бурятскую лексику русские административные термины: *уезддэ* «уезд», *боебоодо* «воевода», *остороог* «острог», *ухааз* «указ», *пирхааз* «приказ», *атамаан* «атаман», *пирхаасчиг*, *прихачиг* «приказчик, собирающий ясак», *прихадза* «учреждение, называемое сибирским приказом», *хиняас* «князь», *упрабитил* «управитель».

В 40-х гг. XVIII века в бурятских ведомствах были учреждены степные конторы. При конторах устраивали албанские сугланы (съезды) для раскладки податей и повинностей. В родовых объединениях существовали мирские избы⁴. С этого времени можно датировать про-

В 40-х гг. XVIII века в бурятских ведомствах были учреждены степные конторы. При конторах устраивали албанские сугланы (съезды) для раскладки податей и повинностей. В родовых объединениях существовали мирские избы⁴. С этого времени можно датировать про-

В 40-х гг. XVIII века в бурятских ведомствах были учреждены степные конторы. При конторах устраивали албанские сугланы (съезды) для раскладки податей и повинностей. В родовых объединениях существовали мирские избы⁴. С этого времени можно датировать про-

¹ М. П. Хомонов. Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят, стр. 142.

² «История Бурят-Монгольской АССР». Улан-Удэ, 1954, стр. 101.

³ Там же, стр. 102.

⁴ См. там же, стр. 151.

никновение таких слов, как: *истипной хонтооро* «степная контора», *миирэской избаа* «мирская изба», *хонтоора* «контора», *поодати* «подать», *побииниста* «повинность».

«В 1796 г. Сибирь была разделена на две губернии — Тобольскую и Иркутскую. Губернии делились на области, а области — на уезды. В 1808 г. было учреждено Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске»¹.

Губернией управлял генерал-губернатор, возглавлявший губернское правление. В каждой губернии были: казенная палата, казначейство, губернский землемер, палаты гражданского и уголовного суда и Верхний земский суд. Во главе управления уездом находился земский исправник. В каждый уезд определялись казначей, присяжный, землемер, лекарь и т. д. Органами надзора являлись губернские прокуроры и их помощники — стряпчие².

Таким образом, в конце XVIII и начале XIX века в бурятский язык проникают русские слова, связанные с аппаратом губернского правления. Например: *губээр-ни* «губерния», *гинараал* «генерал», *губирнаатар* «губернатор», *ооблости* «область», *хозеонно палата* «казенная палата», *хазнашээ* «казначей», *зимлемээр* «землемер», *палаата* «палата», *сүүд* «суд», *зеймскэ сүүд* «земский суд», *испараабниг* «исправник», *пирсяажна* «присяжный», *леэхэр* «лекарь», *порхороор* «прокурор», *городовой* «городовой», *пиисар* «писарь», *хансиляра* «канцелярия».

В 1822 г. правительством был утвержден «Устав об управлении инородцев». Согласно уставу каждый улус имел родовое управление, состоявшее из выборных на суглане старост и одного или двух помощников. Несколько улусов подчинялось инородной управе, которая состояла из головы управы, выборных и писаря. Многие роды были подчинены степной думе.

На основании этого устава среди забайкальских бурят были учреждены думы: Баргузинская, Кударинская, Селенгинская, Хоринская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская и Тункинская³. «Степная дума состояла из главного родоначальника (тайши), двух его помощников (в более населенных ведомствах), заседателей и голов»⁴.

¹ «История Бурят-Монгольской АССР». Улан-Удэ, 1954, стр. 221

² См. там же, стр. 220.

³ См. там же, т. 1, стр. 222—224.

⁴ Там же, стр. 224.

С этого времени в лексике бурят появляются заимствованные из русского языка термины, связанные с административным преобразованием. Например: *устааб* «устав», *дүүмэ* «дума», *борной* «выборный», *гулбаа* «голова», *заседатиль* «заседатель», *помоошник* «помощник», *пиисар* «писарь», *эстинной дүүмэ* «степная дума».

23 апреля 1901 года царское правительство издало Временное положение «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», которым было предусмотрено проведение волостной реформы. С введением волостной реформы упразднилось административное устройство бурят и эвенков, основанное на уставе Сперанского (1822) и имевшее в Забайкалье почти восьмидесятилетнюю давность¹.

«Царское правительство «Временным положением» хотело заменить степные думы и инородные управы волостными правлениями, упразднить должности тайшей, зайсанов, образовать вместо ведомств волости по территориальному принципу»².

В начале XX века в бурятский язык проникают русские слова, связанные с волостным правлением и правлением инородных и родовых управлений и со старой системой выборов. Они часто встречаются в деловых бумагах Хоринской степной думы, например: *миниистер* «министр», *парибитилистаба*, *парабиитиилстаба* «правительство», *еинарооданой упраба* «инородная управа», *урядник*, *уридник* «урядник», *боолости* «волость», *еиспараабник* «исправник», *биибур* «выбор», *дипутат*, *депютад* «депутат», *галавной родонашалник* «главный родоначальник», *засидатилнар* «заседатели», *еинородной управанар* «инородческие управы», *родобой упрааблиининар* «родовые управления», *староста помошник-уд-нар* «старосты и помощники» и т. д. Наряду со старыми названиями *зайсан*, *шулинга*, *засаул* заимствовались звания: главный родоначальник — тайша, заседатели, головы (по голове инородческих управ), выборные, староста и помощник и т. д.

Среди дооктябрьских русских заимствований имеется небольшая группа слов, характеризующих судопроизводство и каторги. Подобные русские заимствования, по всей видимости, проникали в бурятский язык с конца XVIII и до начала XX века. Они были широко упот-

¹ См. «История Бурят-Монгольской АССР», Улан-Удэ, 1954, стр. 383.

² Там же.

ребительны не только в разговорном бурятском языке, но и в старом письменном языке. Например: *сүүд* «суд», *судуяа* «судья», *порхороор* «прокурор», *полиица* «полиция», *пиригобор* «приговор», *добиирной* «доверенные (доверенное лицо)», *дзасидатил* «заседатель», *оопис* «опись», *повалиной ообуске* «повальный обыск», *зохоон* «закон», *турму* «тюрьма», *барнааг* «варнак», *хаатарчин* «каторжник».

В бурятском языке также широко были распространены заимствования, связанные с ведением государственных повинностей: уплата налогов и поборов. Их часто употребляли буряты не только в разговорной речи, но и в деловых бумагах. Например: *дуоши*, *душа*, *дүүшэ* «душа ревизская», *подоушну* «подушная», *побинииста* «повинность», *алба побинииста* «налоги и повинности», *доенхо*, *дойонхо*, *дойомху* «недоимка», *пудурид* «подряд», *подришиг* «подрядчик», *поргони* «прогон», *эрбиизэ*, *рибице* «ревизия».

В деловых бумагах Хоринской степной думы широко употреблялись заимствованные слова и термины, относящиеся к понятиям, обозначающим название лиц разных сословий, классов, специальностей, которые бытовали в разговорной речи бурят. Например: *доброрнин* «дворянин», *поселеэн*, *поселэнсэ*, *посилингце* «поселевец», *посезлшэг*, *посишлиг* «посельщик», *землимеэр*, *зимлимир* «землемер», *укорожиной зимлимер* «окружной землемер», *хүпээс*, *купиис* «купец», *машинин*, *мисчинин* «мещанин», *помешэг*, *помишиинг*, *помиичик* «помещик», *дирезэгтэр*, *диригтор* «директор», *инспингтэр* «инспектор», *багтуур* «вахтер», *чиритиочиниг* «чертежник», *топограб* «топограф».

9. Заимствования, связанные с христианской религией.

Русские слова, выражающие понятия христианской религии, стали проникать в бурятский язык тогда, когда начала проводиться политика насильственного обращения бурят в христианство. Это коснулось в основном добайкальских бурят, то есть бурят бывшей Иркутской губернии.

После присоединения Бурятии к Русскому государству на ее территории царское правительство начало строить церкви. В связи с этим буряты бывшей Иркутской губернии и частично Забайкалья насильственно обращались в христианство. Это оставило определенные

следы в бурятской лексике. Например, крещеных бурят в Забайкалье называли *хэрээснэг буряад* «крещеный бурят», а также встречаются заимствования, связанные с церковью и ее служителями, например: *сээрхэб* «церковь», *хэрээс*, *хэрээһэн* «крест», *собоор* «собор», *пооб* «поп», *архирээ*, *архира*¹ «архиерей».

В бурятском эпическом произведении «Аламжи Мэргэн» находим заимствованное слово *собоор* «собор»: *Бэжир мүнгэн собоороо дүнһэжэ бодобо, дүирэжэ тогтолойл* «Серебряный из мрамора собор с грохотом воздвигли, с шумом установили»².

В бурятский язык проникли также русские названия религиозных праздников и обрядов. К этой группе заимствований можно отнести такие слова, как: *ильдиин дээн*, или *ильеэн үдэр* «ильин день», *ордистобоо* «рождество», *хэршээни* (отсюда: *хэршээниин хүйтэн* «крещенский мороз») «крещение», *михуула* «николин день», *сэмьезн үдэр*, *сэмүүнэб* «семенов день», *похрооб* «покров», *балгабишан* «благовещение» и т. д.

Вместе с христианской религией в бурятский язык, особенно в диалект добайкальских бурят, стали массами проникать и христианские имена. Среди добайкальских бурят широко распространяются личные имена из христианского календаря, воспринятые через русский язык, например: Николай, Василий, Михаил, Александр, Павел, Петр, Роман и т. д. Это и понятно, потому что русские и буряты живут бок о бок более 300 лет. Заимствованные имена на раннем этапе произносились по-бурятски, очень своеобразно и, естественно, изменялись почти до неузнаваемости. Например, имя Роман по-бурятски произносилось *Армаан*, а Афанасий — *Хунааша*, Иннокентий — *Насэнтэ*, Николай — *Нихуулай*, Михаил — *Михаала*, Василий — *Башиила*, *Башли* и т. д. Любопытные случаи, когда среди заимствованных из русского языка имен встречаются такие, которые в русском языке обозначали не личное имя, а фамилию. Например, русская фамилия Петров превратилась в бурятское имя *Питрооб*, а Ленский — *Леэнскэ*, Дарвин — *Даарбин*, *Дарба*³. Кроме того, широко распространены русские

¹ См. А. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка, стр. 15, где он сообщает, что слово «архиерей» бурятами воспринято как *архира*.

² М. П. Хомонов. Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят, стр. 142.

³ См.: Л. Д. Шагдаров, И. Д. Бураев. О бурятских личных именах. Сб. «К изучению бурятского языка», Улан-Удэ, 1969, стр. 109.

заимствованные имена: *Баантя* «Ваня», *Паашха* «Пашка», *Огноон* «Игнат», *Петрүүшхэ* «Петрушка». Христианские имена были освоены в основном бурятами, проживающими в Иркутской области. Обычно у крещеных бурят было по два имени: бурятское и русское. Например, Михаила Михайловича Хабалова на его родине называют *Миндагом*, а Сергей Алексеевич Максанов имеет второе имя тибетского происхождения — *Цырен*.

Русские заимствованные имена проникли в фольклорные и художественные произведения бурятского народа. Например, у бурят имеются известные сказки «Армаан Дурмаан хоер», «Олзуурхуу Ондреэн», которые соответственно были литературно обработаны А. Шадаевым и Х. Намсараевым.

10. Заимствованные слова, выражающие понятия духовной культуры.

Для того чтобы установить хотя бы приблизительно время проникновения русских слов, выра-

жающих понятия культуры и просвещения, в бурятскую лексику, необходимо знать историю развития народного просвещения в Бурятии.

«С XVIII в. русская грамота начинает проникать к бурятам... Грамоте обучались почти исключительно дети тайшей и других нойонов, а также послушники и монахи из крещеных бурят, жившие в Селенгинском монастыре... Школы, возникшие в Бурятии в XVIII в., не получили широкого распространения... В 1804 г. был издан новый устав учебных заведений, по которому вместо главных и малых народных училищ учреждалась общеобразовательная школа трех типов: гимназии, уездные училища и приходские училища»¹.

Далее в «Истории Бурят-Монгольской АССР» сообщается, что, «несмотря на свою малочисленность, бурятские школы, возникшие в первой половине XIX в., были ранними рассадниками грамотности и просвещения. Кроме монгольской письменности, буряты стали воспринимать русскую письменность, используя ее и для переписки на родном языке»². Характерно в этом отношении следующее сообщение Балаганской степной думы за 1851 г.: «Письмена жителей здешнего края как у рус-

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 249.

² Там же, стр. 253.

ских, так и у бурят общие, т. е. на русском диалекте»¹.

С развитием просвещения буряты заимствовали у русских слова, обозначающие учебные заведения и предметы школьного обучения или выражающие понятия культуры вообще.

К словам, обозначающим учебные заведения, ученые звания, должности и учащихся, можно отнести следующие русские заимствования: *үшиилише* «училище», *гимнаази* «гимназия», *үниберситит* «университет», *халаас* «класс», *симианаари* «семинария», *пирхоодсхо һургуули* или *прихүдске сургули* «приходская школа», *порпеэстэр*, *прописсор* «профессор», *хангдидат* «кандидат», *үстүдеэнтэ*, *стүтингте* «студент», *үшнииг*, *үшиниг* «ученик». Из названий предметов школьного обучения можно отметить такие слова, как *харандаас* «карандаш», *үрүүшхэ* «ручка», *пироо* «перо», *хэниигэ* «книга».

В «Абай Гэсэре» находим заимствованное слово *хэнигэ* «книга»: *Маньялая хахалба, Майдари шара хэнигэ гаргана бэлээл даа* (Гэсэр, 7820) «Разрезая свой лоб, и вытащил желтую книгу Майдари»².

Наряду с вышеприведенными, встречаются научно-технические заимствования в старописьменном бурятском языке. Например: *пройогта* «проект», *экспедиции* «экспедиция», *биоро* «бюро», *тилгараам* «телеграмма», *наборачиг* «наборщик», *машина* «машина», *забууд* «завод», *паабриг* «фабрика», *общества* «общество», *хориспундинте* «корреспондент» и т. д.

Заимствованы термины, обозначающие время, количество, меру, вес и площадь, например: *сүүдхэ* «сутки», *шаас* «час», *минуут* «минута», *пүүд* «пуд», *осьмууха* «осьмушка», *бушмууха* «восьмушка», *һүүнтэ*, *пүүнтэ* «фунт», *сажан* «сажень», *аршин* «аршин», *дооли* «доля», *биршоог* «вершок», *шээтпэртэ*, *шээптэ*, *шиидберите*, *шидперти* «четверть», *дистиинэ* «десятина».

Русские названия месяцев, дней недели также широко-бытуют в разговорной речи бурят. Например: *янабаари*, *гинабари* (письм.) «январь», *пebraали*, *пebraли* (письм.) «февраль», *маарта* «март», *апареэли*, *априили* «апрель», *май* «май», *июни* «июнь», *июли* «июль», *аабагуста* «август», *сентябар*, *синтабри*

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», т. 1, стр. 253. ЦГА БурАССР. ф. Балаганской степной думы, д. 584, л. 20.

² М. П. Хомонов. Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят, стр. 143.

(письм.) «сентябрь», *угтяабар*, *огтабри* «октябрь», *ноябар* «ноябрь», *дихаабар*, *дихабри* (письм.) «декабрь»; *собоото* «суббота», *огтоорниг* «вторник», *босхорсезн* «воскресенье» и т. д.

В процессе длительной жизни по соседству бурят с русскими были заимствованы различные виды игр, развлечений, переняты и их названия, например: *баабхай* «бабки», *баабхай наадаха* «играть в бабки», *баабхай шэдэхэ* «бросать бабки», *городхии* «городки», *лаптуу наадаха* «играть в лапту», *даамдаха*, *даам наадаха* «играть в дамки», *дойбод* «доведь», *пүүхэ наадаха* «играть в фуку». Относительно последних трех заимствованных слов К. М. Черемисов пишет следующее: «Небольшое затруднение вызывают, к примеру сказать, *даам*, *дойбод*, *пүүхэ*, русские прародители или оригиналы которых «дамка», «доведь», «фук», хотя значение последних в новой, родной для них среде — в бурят-монгольском языке — несколько изменилось, а слово «доведь» сейчас в русском языке уже забыто. Оно в упомянутой тройке — «коренник», то есть пришло в словарный состав бурят-монгольского языка раньше других. По крайней мере в басне Вяземского (современника А. С. Пушкина) мы читаем: «Пробравшись в доведи на шахматной доске, зазналась шашка пред другими...» «Доведь» — это шашка, доведенная до другой стороны шашечной доски, то есть «дамка». Заимствовать слово «шашка» (в бурятском звучании «*шашха*»), видимо, помешало его одинаковое звучание (омонимичность) с родным *шашаха* — болтать, тараторить»¹.

Одним из ранних заимствований из рода развлекательной игры является *хаарта* «карты». В результате широкого распространения этого вида игры становились известными и многие русские слова, связанные с этой игрой. Например: *хаарта* «карты», *хоозорь* «kozyрь», *холоод* «колода», *маась* «масть», *хэрээһэн* «трефы», *шарбууна* «черви», *бүүбэнэ* «бубны», *дурааг наадаха* «играть в дурака», *подкидной* «подкидная», *үстүүхэ* «стука», *ошхоо* «игра в очко», *марьяажа* «марьяж», *борхожы* «карты».

Имеется ряд терминов в бурятском языке, связанных со здравоохранением, например: *лээхэр*, *лишкур* «лекарь» (*үкоругун лишкур* «окружной лекарь»), *пилдшир* «фельдшер», *доогтор* «доктор», *поршоог* «порошок»,

¹ К. М. Черемисов. О ранних заимствованиях в бурятском языке. «Свет над Байкалом», 1956, № 4, стр. 142.

угаар «угар», отсюда *угаартаха* «угореть», *хоорь* «корь», *золтууха* «золотуха», *маась* «мазь».

Из названий животного мира и болезней животных, а также насекомых заимствованы, например: *поршоонхо* «поросенок», *хөөшхэ* «кошка», *гулабхаа* «голубь», *борбилоо*, *борбихи*, *борлеохой* «воробей», *шурхы* «чирок», *бөөһэн*, «вошь», *хулһаа* «клоп», *булуудха* «блоха», *тархаан* «таракан», *нахал* «на́хал» (инфекц. заболевание глаз у лошадей и овец), отсюда *нахалтаха* «заболеть болезнью на́хал».

Выше мы рассмотрели основные лексико-семантические группы русских слов, проникших в бурятский разговорный и старописьменный языки в дореволюционную эпоху. Необходимо заметить, что заимствованная русская лексика перечисленными нами группами далеко не исчерпывается. Кроме приведенных выше слов, среди дореволюционных русских заимствований имеются слова, обозначающие действия и отвлеченные понятия, например: *панхаруудтаха* «обанкротиться», *нахлаадтаха* «быть в накладе», *угаартаха* «угореть», *шүүд* «чуть», *үшөө* «еще», *оошор* «очередь», *жээрбэ*, *жээрэб* «жребий», *яама* «яма», *сэн* «цена» и т. д.

В бурятских эпических произведениях встречаем глагольные образования от заимствованных слов. Например, в «Абай Гэсэре». *Хаан мэндээр мэндэшэлбэ*, *Хата дорообойе дорооболбо* «По-хански поздоровался, по-хатански приветствовал»¹.

В «Аламжи Мэргэне»: *Нарин хара хушийин ундуй сундуй харбажа*. *Шуутхалажа унагаабал* «Тонкие черные кедры, кучу прострелив, сваливал под щетку»². Кроме *дорооболхо* «здороваться» и *шуутхалаха* «свалить под щетку» (досл. «щетковать») встречаются, как сообщает М. П. Хомонов, *гороотохо* «проехаться по городу», *гүбээрлэхэ* «проехаться по губернии», *шоотлохо* «почистить щеткой», *периилэхэ* «укрываться периной»³ и т. д.

Русские землепроходцы, сибирское русское крестьянство и ссыльные декабристы сыграли заметную роль в повышении экономической и культурной жизни бурят. Они являлись замечательными учителями в освоении земледелия и русской культуры.

М. П. Хомонов в работе «Русские заимствованные

¹ «Абай Гэсэр», стр. 57.

² М. П. Хомонов. Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят, стр. 144.

³ См. там же.

слова в улигерной поэтике бурят» приводит следующий перечень русских слов, обнаруженных в эпических произведениях бурят, которые характеризуют влияние русской культуры: *одвоор* «двор», *хорыд* «корыто», *алаабхи* «лавка», *хадуушха* «кадушка», *заведеэни* «заведение», *бидруу* «лагушка», *побоосхо* «повозка», *мэйло* «мыло», *хилууса* «ключ», *самбаар* «самовар», *боодхо* «водка», *пүүд* «пуд», *хүбэриг* «коврига», *хилээмэн* «хлеб», *һүнтэ* «фунт», *перишлэ* «перила», *бумбаар*, *амбаар* «амбар», *бээжэ* «печь», *хэрэнсы* «крыльцо», *оохолби* «охлопень», *хёосо* «тес», *харнииса* «карниз», *дараанса* «драница», *подваал* «подвал», *боошхо* «бочка», *дүшэнэг* «десятина», *шээбтэ* «четверть», *шураг* «шуруп», *будуушха* «подушка», *минууд* «минута», *хартууз* «картуз», *хурастааль* «хрусталь», *хоортиг* «кортик», *запиисха* «записка», *мидааль* «медаль», *үйлэнсэ* «улица», *боошто* «почта», *тараакта* «тракт», *шулаан* «чулан», *борёобхо* «веревка», *пулаад* «платок», *догтор* «доктор» и т. д.¹

Несомненно, что многие из приведенных выше слов заимствованы бурятами у русских вместе с самими предметами и вещами. Это говорит о том, что местное русское население оказывало большое влияние на быт и хозяйство бурят.

Однако необходимо заметить следующее: заимствование того или иного слова не всегда означает, что заимствованным является и сам предмет. Это в равной мере, если не в большей относится к общественно-политическим и другим терминам абстрактного характера. При этом нужно учитывать и то, что в истории языков имеются случаи вытеснения исконных слов заимствованными. Данное явление имело и имеет место и в бурятском языке.

М. П. Хомонов в указанной выше работе показывает, как исконные бурятские слова заменяются заимствованными из русского. Например, он сообщает, что «слово гүбээр от русского «губерния», употребительное в бурятском языке с момента введения административного деления, исчезло из бурятского языка в связи с исчезновением такового, но в улигерах сказители его используют для обрисовки прошлой жизни. Архаичное слово *можо*, вышедшее из общего фонда бурятского языка, сказителем не использовано»².

¹ См. М. П. Хомонов. Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят, стр. 144—145.

² М. П. Хомонов. Указ. соч., стр. 141.

Но большинство русских слов в дореволюционную эпоху заимствовано в бурятский язык вместе с самими предметами и вещами.

РУССКАЯ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА, ЗАИМСТВОВАННАЯ БУРЯТСКИМ ЯЗЫКОМ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

Влияние русского языка на бурятский в дореволюционную эпоху сказалось лишь в области лексики, представляя собой обычное заимствование отдельных слов из одного языка в другой. А в советскую эпоху это влияние не ограничивается лишь лексическими заимствованиями. Оно проявляется в фонетике и синтаксисе.

В соответствии с темой нашего исследования мы ограничимся здесь рассмотрением лишь лексических заимствований.

Академик В. В. Виноградов, изучая влияние русского языка на языки народов СССР, указывает, что «сходства и соответствия в языках Страны Советов, обусловленные воздействием русского языка, проявляются:

- 1) в расширении сферы влияния русских, особенно новых, советских, выражений, в калькировании их;
- 2) в стремительном распространении советизмов, в их движении из одного языка в другой;
- 3) в освоении основного фонда интернациональной лексики через посредство русского языка;
- 4) вообще в усилившейся тенденции к языковой интернационализации, в особенности к советской языковой интернационализации;
- 5) в приобщении к мировой культуре и цивилизации — в ее, так сказать, народной русской оценке, в ее русском восприятии»¹.

Эти особенности характерны и для бурятского языка. Касаясь первой из них, следует заметить, что калькирование русских слов и выражений, частично имевшее место и раньше, в советский период получает широкий размах, становится одним из продуктивных способов обогащения лексики, терминологии и фразеологии бурятского языка.

Одной из существенных особенностей влияния русского языка на бурятский в советскую эпоху по сравне-

¹ В. В. Виноградов. Великий русский язык, стр. 165—166.

нию с влиянием в дореволюционную эпоху является заметное расширение сферы проникновения русских и интернациональных слов в бурятский язык.

В лингвистической литературе принято считать, что общий лексический фонд языков народов СССР возник после Великой Октябрьской социалистической революции. На этот счет Ю. Д. Дешериев замечает следующее: «...общий лексический фонд складывается в советскую эпоху. Он включает в себя главным образом следующие слова:

1. научно-технические термины; 2. интернациональные слова; 3. советизмы; 4. ономастику; 5. топонимику; 6. этнонимику»¹. Эта же мысль подчеркивается и в ряде других работ. В сборнике «Вопросы терминологии» говорится: «Общая основа политической, экономической и культурной жизни всех советских людей привела к тому, что в латышском, литовском и эстонском языках получил распространение общелексический фонд, образовавшийся в языках народов СССР в советскую эпоху»².

В дореволюционную эпоху из русского языка в бурятский заимствовались в основном слова, выражающие хозяйственно-экономические понятия, термины торгового и ремесленного дела, названия пищи и напитков, одежды и т. д.

Заимствования же советской эпохи далеко выходят за эти рамки, охватывая общественно-политическую, сельскохозяйственную, научно-техническую и учебную терминологию, термины, отражающие развитие и рост культуры бурятского народа. Словарный состав языка непосредственно связан с материальной и духовной культурой народа, и массовое проникновение русских и интернациональных слов в бурятский язык в советскую эпоху является отражением бурного роста экономики и культуры бурятского народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция предоставила всем народам нашей страны равные права во всех областях жизни. Это видно и на примере ранее отсталого бурятского народа. В 1923 году Бурятия преобразована в автономную республику. Трудящиеся Бурятии включились в общественно-политическую жизнь страны. Великая Октябрьская социалистическая

¹ Ю. Д. Дешериев. Развитие младописьменных языков народов СССР, М., 1958, стр. 216—217.

² Сб. «Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания)», 1961, стр. 25.

революция положила начало культурной революции в нашей стране. Все эти революционные преобразования в городе и деревне способствовали обогащению словарного состава бурятского языка словами, выражающими новые понятия социалистической действительности. А так как в советскую эпоху языком межнационального общения стал русский язык, то основную массу новых терминов представляют слова, заимствованные из русского языка и через него из других языков мира. В результате всего этого бурятский язык значительно пополнился общественно-политической, научно-технической, сельскохозяйственной, учебной, медицинской терминологией, терминами, выражающими понятия культуры и искусства и т. д.

Анализ словарного состава современного бурятского языка показывает, что новые заимствования из русского языка и через него из других языков занимают значительное место в бурятской лексике.

Коллектив авторов, состоящий из известных советских языковедов Т. А. Бертагаева, Ю. Д. Дешериева, М. Исаева, В. И. Лыткина и др., в работе «Роль русского языка в развитии словарного состава языков народов СССР» пришел к выводу, что «наиболее быстро развивающимся, расширяющимся разделом словарного состава любого литературного языка в Советском Союзе является терминология. В большинстве языков советских народов 70—80% новых научно-технических, общественно-политических, учебно-педагогических и других терминов составляют заимствования из русского языка и через него из других языков. Таким образом, вопрос о развитии терминологии литературных языков имеет прямое отношение к вопросам о роли русского языка в развитии языков советских народов, о месте русских лексических заимствований в словарном составе языков народов СССР»¹.

В советскую эпоху в словарный состав бурятского литературного языка вошли следующие основные группы русских и интернациональных заимствований.

1. Общественно-политические термины: совет, коммунизм, марксизм-ленинизм, марксист, ленинец, пленум, конференции, парти, партбилет, комсомол, парткабинет,

¹ Т. А. Бертагаев, Ю. Д. Дешериев (руководитель), М. И. Исаев, В. И. Лыткин, С. Г.-М. Хайдаков, А. К. Шагиров. Роль русского языка в развитии словарного состава языков народов СССР, М., 1959, стр. 2.

агитаци, актив, делегаци, доклад, идеологи, лозунг, митинг и т. д. Приведем несколько примеров в контексте:

Союзна республикануудай Министрнуудай Сөвөдүүд хадаа колхоз, совхозуудай мал ажалай продукция өөрынь үные хямдаруулха талаар, материално-техническэ хангалгые найжаруулха, тэжээл бүри элбэгээр абадаг болохо, ажалай бүтээсэ дээшэлүүлхэ талаар хэмжээ ябуулгануудые зохоохо, бээлүүлхэ уялгатай¹ «Советы Министров союзных республик обязаны разработать и осуществить мероприятия по снижению себестоимости продукции животноводства, по улучшению материально-технического снабжения, укреплению кормовой базы и повышению производительности труда в колхозах и совхозах». Үйлэбэрийн процессүүдые комплексноор оньхожоруулһанай болон автоматизацилһанай, промышленностьда тусхай мэргэжэлдэ болон хамжан үйлэбэрилгэдэ оролгые хүгжөөһэнэй ашаар ерэхэ долоон жэлэй турша соо промышленностьда ажалай бүтээсэ нилээд дээшэлүүлэгдэхэ юм² «Благодаря комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, развитию специализации и кооперирования в промышленности в предстоящем семилетии значительно будет повышаться производительность труда в промышленности».

2. Сельскохозяйственные термины: колхоз, колхозник, бригадир, звено, артель, фермэ, зоотехник, тракторист, механизатор, трактор, комбайн, сеялкэ, веялкэ, культиваци, теплицэ, загаһа барилга «рыболовство», водохранилищнууд «водохранилища», полинуудай квадрат «квадраты полей», хүүдинсэ «кузница», минеральна үтэгжүүлгэ «минеральное удобрение», фосфортой органическа хэрэгсэл «фосфорно-органические средства», хлопок-сырец, лен-волокно, сахарна свекло, наран сэсэг «подсолнух», овощь, миллион гектар, концентрированнэ тэжээл «концентрированный корм», зурууд хоорондын элдүүрилгэ «междурядная обработка (земли)», квадратно-гнездовой арга «квдратно-гнездовой способ», гэршүүхын крупэ «крупя гречихи», таряалангай «хатан» — кукуруза «королева полеводства — кукуруза», холоомо «солома», зеленхо «зеленка», нэмэлтэ түлөөһэн, «дополнительная оплата», кукуруза ургуулха агротехникэ³ «агротехника для выращивания кукурузы».

¹ «Буряад үнэн», 1965, 16 апреля.

² См.: «1959—1965 онуудта СССР-эй арадай ажахые хүгжөөхэ даабарита тоонууд». Улаан-Үдэ, 1959; См. «Буряад үнэн» за 1964 г.

³ Примеры взяты из газеты «Буряад үнэн» за 1959—1970 гг.

3. Животноводческие термины: *доярка, дояр, сакманщик, гүүртэ, отара, фермэ, племенной гүүртэ, эхэ хонидой отара «маточная отара», хонидые искусственна аргаар үрэжүүлгэ «искусственное осеменение овец», наамхай үнээдэй коммунистическэ ажалай гүүртэ¹ «молочно-товарный гурт коммунистического труда».*

4. Слова, связанные с животным миром: *крокодил, бегемот, акула, кит, тигр, леопард, шимпанзе, мамонт и т. д.*

5. Научно-техническая и производственная терминология: *промышленность, индустри, индустриализаци, цех, домно, прокат, автозавод, инженер, техник, экскаватор, слесарь, механик, арматура, каменщик, электросварщик, шахтер, горняк, агрегат, технолог, оборудовани, автоматизаци, полимернэ материалнууд «полимерные материалы», байгаалиин газууд «природные газы», синтетическэ материалнууд² «синтетические материалы», машина бүтээлгэ «машиностроение», металл болбосо руулдаг үйлэдбэри «металлообрабатывающее производство», хүндэ машина бүтээлгэ «тяжелое машиностроение», прибор бүтээлгэ «приборостроение», радиоэлектронико, электротехническэ станогуудые бүтээдэг промышленность³ «промышленность, производящая электротехнические станки», тепловой турбинатай электростанцинууд «электростанции с тепловыми турбинами», томо конденсационно станцинууд⁴ «крупноконденсационные станции», телеметрическэ мэдээнүүд⁵ «телеметрические данные», радио-холбоон⁶ «радиосвязь» нефтийн продукт дамжуулдаг магистральна соргонууд «магистральные трубопроводы продуктов нефти», прокат үйлэдбэрилгэ⁷ «производство проката», атомна электростанци «атомная электростанция», турбоэлектрическэ атомна ледокол⁸ «турбоэлектрический атомный ледокол», барилгын индустриальна арга методүүд⁹ «индустриальные методы строительства», тоололгын техникэ «вычисли-*

¹ См. «Буряад үнэн», 29 ноября 1961 г.

² «1959—1965 онуудта СССР-эй арадай ажахые хүгжөөхэ даабарита тоонууд». Улаан-Үдэ, 1959, стр. 31.

³ Там же, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 35.

⁵ «Буряад үнэн» от 17 января 1963 г.

⁶ Там же.

⁷ «1959—1965 онуудта СССР-эй арадай ажахые хүгжөөхэ даабарита тоонууд». Улаан-Үдэ, 1959, стр. 33.

⁸ Там же, стр. 28.

⁹ Там же, стр. 17.

тельная техника», *нефтепроводууд болон газопроводууд*¹ «нефтепроводы и газопроводы», *трубопроводууд* «трубопроводы», *нефть шанаржуулдаг промышленность*² «нефтеобогатительная промышленность», *радио-дохёо*³ «радиосигнал», *хэмэл одон*⁴ «спутник», *радио-туяа* «радиолуч», *радиотухеэрэлгэ* «радиооборудование», *радиотелеметрическэ оньhoto түхээрэлгэнууд* «сложное радиотелеметрическое оборудование», *ультра-богони долгиууд*⁵ «ультракороткие волны», *атмосфернэ дараса*⁶ «атмосферное давление», *фото-зург дамжуулга* «передача фотоизображения» и т. д.

6. Наименования мер веса, длины, площади: тонна, центнер, кило, литр, метр, кубометр, гектар, квадрат, миллиметр, квадратна сантиметр, квадратна дециметр, квадратна метр, кубическэ дециметр, кубическэ метр, квадратна километр⁷.

7. Термины, связанные с транспортом: грузовик, автомобиль, такси, трамвай, троллейбус, автобус, самолет, вертолет, диспетчер, летчик, шофер, машинист, пассажир, аэродром, буксир, дирижабль, метро, мотоцикл, велосипед, пристань, порт, депо, электровоз, тепловоз, паровоз, түмэр замай транспорт⁸ «железнодорожный транспорт», *турбореактивна болон турбовинтовой самоледууд* «турбореактивные и турбовинтовые самолеты», *аэропорт*⁹ и т. д.

8. Медицинская терминология: поликлиника, санатори, курорт, диспансер, стационар, аптека, палата, врач, сестра, хирург, терапевт, невропатолог, витамин, глицерин, йод, пирамидон, протез, массаж, бинт, рентген, диагноз, дезинфекци, прививкэ и т. д.

9. Военная терминология: штаб, артиллерии, флот, пехото, авиаци, кавалери, дивизи, арми, полк, эскадрилли, комиссариат, маршал, адмирал, полковник, гвардеец, военком, майор, капитан, лейтенант, граната, снаряд, миномет, истребитель, бомбардировщик, бронейбойщик, радист-стрелок, диверсант, пулеметчик, автоматчик, оккупаци, оккупант, шпион, маневр, обороно, атомно бом-

¹ Там же, стр. 45.

² Там же, стр. 71.

³ «Буряад үнэн» от 25 марта 1964.

⁴ Там же.

⁵ Там же, от 20 марта 1964.

⁶ Учебник физики. Улан-Удэ, 1957, стр. 67.

⁷ «1959—1965 онуудта СССР-эй арадай ажахые хүгжөөхэ даабарита тоонууд. Улаан-Удэ, 1959, стр. 39.

⁸ «Буряад үнэн» от 1 октября 1961 г.

⁹ Там же.

бо, водородно бомбо, гал бомбо «зажигательная бомба», түби хоорондын баллистическэ ракетэнүүд¹ «межконтинентальные баллистические ракеты», ядерна буу зэбсэг² «ядерные оружия», ракетнэ полигон, залагдадаг ракетэ³ «управляемая ракета», радиогоор залагдадаг ракетэ⁴ «радиоуправляемая ракета», хуягта машинанууд «бронемашинны»⁵.

10. Термины, выражающие понятия культуры и искусства: симфони, музыкант, композитор, дирижер, роль, пианина, телевизор, оркестр, ното, бас тенор, консерватори, оперо балет, театр, сценэ, партер, балкон, декораци, репертуар, репетицэ, эстрада, суфлер, скульптура, архитектура, гравюра, иллюстраци, памятник, архитектор, кино, режиссер, экран, юрэнхы эрдэмэй «общеобразовательная», дунда эрдэмэй болбосоролой аттестат⁶ «аттестат о среднем образовании», хүдэлмэришэн болон хүдөөгэй залуушуулай нургуулинууд⁷ «школа рабочей и сельской молодежи», культурна ажаһуудалай эмхи-зургаан «культурно-бытовые учреждения»⁸, культурно-гэээрэлэй хүдэлмэри «культпросвет работа», и т. д.

11. Термины, связанные со спортом: физкультура, футбол, волейбол, команда, спортсмен, чемпион, рекордсмен, вратарь, старт, финиш, шахмат, шашка, стадион, судья, приз, гимнастика, кубок, матч, турнир, футболист, волейболист, мастер, шахматист, спартакиада, олимпиада, разряд, тренер, штангист, бокс, боксер и т. д.

12. Название пищи и напитков: пудинг, паштет, омлет, кофе, какао, мармелад, пастила, консерв, сироп, кефир, батон, нарзан, маргарин, компот⁹ и т. д.

13. Названия одежды и обуви: костюм, пальто, галстук, кепкэ, плащ, майка, теннискэ, боты, брюки, френч, пижама, манжет, блузка, бушлат, матроско и т. д.

14. Календарная терминология: квартал, декада, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье и т. д. В советскую эпоху также заимствованы слова, связанные с растительным миром, термины

¹ «1959—1965 онуудта СССР-эй арадай ажахы хүгжөөхэ даабарита тоонууд». Улаан-Үдэ, 1959, стр. 19.

² Там же.

³ «Буряад үнэн» от 13 марта 1964 г.

⁴ «Буряад үнэн» от 25 марта 1964 г.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ «Буряад үнэн» от 20 июля 1963 г.

⁸ Там же.

⁹ «1959—1965 онуудта СССР-эй арадай ажахы хүгжөөхэ даабарита тоонууд». Улаан-Үдэ, 1959, стр. 43.

почтового дела, телеграфной и телефонной связи, радио, торгового дела.

В советскую эпоху в бурятский язык из русского языка перешло так много слов, что не представляется возможным перечислить даже десятой доли их. В газетных статьях и сообщениях процент заимствования иногда доходит до 20—40% и даже выше. Например: *Лекционно пропагандын темээр семинар болобо. «Знани» гэжэ бүхэсоюзна бүлгэмэй республиканска, хизаар ба область-нуудай организацинуудай правленинүүдэй түрүүлэгшэ-нэрэй орлогшонорой болон харюусалгата секретарьнуудай дүрбэн үдэрэй семинар Москвада боложо, январин 12-то дүүрбэ. Лекционно пропаганда эмхидхэжэ, лекцинуудэй соел сурталай ба научна удхые найжаруулха талар элидхэлнүүдые семинарта хабаадагшад шагнаа. КПСС-эй ЦК-гай таһагые даагшын орлогшо П. Н. Решетов, КПСС-эй ЦК-гай наукин ба хуралсалай газар-нуудай таһагай секторые даагша В. Я. Зевин, СССР-эй уран зохеолшодой союзай правленин секретарь В. М. Озеров, профессор В. А. Артемов, экономическэ наукануудай доктор П. Г. Бунич болон бусад элидхэлнүүдые хээ. Семинарта хабаадагшад «Знани» гэжэ бүхэсоюзна бүлгэмэй центральна лекторидо лекци уншалгануудые яажэ эмхидхэдэг байһан дүршэлтэй танилсаа, ороной мэдээжэ эрдэмтэдтэй уулзаа¹. В данном отрывке, взятом из газеты «Буряад үнэн», насчитывается сто слов, из них заимствованными являются 44 слова, что составляет 44%.*

А в разговорном языке и в художественной литературе процент русских слов колеблется в пределах 10—15%. Например: из произведения «Затмение луны» Ц. Дона: *«Артельшые гэжэ бии ха юм, манай зэргын айлнууд хамуунаһаа гараад, артельда орожо байна. Ши, гахай шэнги, нэгэл зүдхэхэн тээшээ зүдхэжэ ябаха ехэ тэнэг хүн гээшэш,— гэжэ Дулгарай енгүүтэйгээр гэмэрэн хэлэхэдэ, Радна лаампын гал алдангүй хаража, бодолгото болон, нилээд удаан абяагүй нууна»². В приведенном отрывке 40 слов, из них заимствованными являются всего 4 слова, что составляет 10%.*

Из произведения Д. Батожабая «Үнэшхэлшни хаанаб?»: *«Сценэ дээрэ байһан ута столые голложо нууһан суглаанай түрүүлэгшэ үндыжэ, мүнөө Аюур түрүүлэг-*

¹ «Буряад үнэн» от 18 января 1968 г.

² Ц. Дон. Зохеолнууд. Улаан-Үдэ, 1968, стр. 14.

шын хэһэн элидхэлээр колхознигуудай үгэ хэлэхыень баадхана»¹. Данное предложение состоит из 19 слов, в котором 3 слова являются заимствованными, что составляет 15,7%.

Из произведения Ц. Галсанова «Балшар жаахан баргажанаархин»:

Интернат хургуулиин газга
Иимэ нэгэн ушар болобо.
Хургуулиин директор Содбоев
Хурагша Содботой хэлсээ хэбэ:
— Колхозтнай гүрэндөө мяха
Худалдалгаяа хэр ябуулнаб?
— Квартал кварталаар тэгшэ
Хубаажа үлүүлэн дүүргэбэ.
Хоёрдохи кварталайхияа мүнөө
Хоггүй дүүргээ гэнэ.
— Иимэ наа, хубита мяхаяа
Интернадтамнай оруулаг лэ.
— Гурбадахи квартал үды ха юм.
Гуташаха бэшэ гү мяхантай.
— Хахад жэлэйхиеэ дүүргээ гэжэ
Хараа байса хэлэнэ хамнайш.
— Гушадахи болотор хүлээгьт даа,
Графигнаа гарашахаш ушар байха².

В данном отрывке 59 слов, из них заимствованными словами являются 9 слов, что составляет 16,4%.

Из произведения только что начинающего прозаика Абиды Содномова «Һүниин тулалдаан»: «Түүхын факультедэй студент Цэрэн Будаев колхоздо ажаллахаяа ошоһон өөрынгөө курсынхиднаа гээгдэжэ, математигуудаар ошолдоһон юм. Тэдэнэр Бэшүүрэй аймагай нэгэ колхоздо таряа хуряалга дээрэ хүдэлөөгшэ нэн. Цэрэн Будаев Валя Дмитриева гэжэ басагантай комбайнай голоомо-копнительдэ хүдэлбэ. Нэгэтэ голоомо хаядаг механизмынь хүдэлхөө болижо, голоомо хаяжа шадахагүй болоод, комбайн байлгаха гү, али өөрөө доошоо хүрэжэ, голоомыень хаюулха хэрэгтэй байгаа. Тээд нюдэ-нэйнгээ шэл эбдэхээ зүрхэсэһэн Цэрэн хүрэнгүй байба. Тэрэ зуурань голоомо-копнителин нүгөө хажууда байһан Валя доошоо шуран солбоноор хүрэжэ, голоомыень хаюулба. Тэрэл гэхэнһээ хойшо энэ басагые халуун шулуу долеһон Цэрэн ондоогоор харадаг болоо нэн. Колхозһоо тэдэ хоер эбтэй хани нүхэд болоһон бусабад. Институдай һүүлээр айл болоод, хүдөөгэй хургуулида

¹ Д. Б а т о ж а б а й. Һэшхэлшни хаанаб? Улаан-Үдэ, 1962, стр. 75.

² Ц. Г а л с а н о в. Балшар жаахан баргажанаархин, Улаан-Үдэ, 1961, стр. 1.

хоюулаа багшалхая ерээгшэ һэн»¹. В приведенном отрывке 99 слов, из них заимствованными являются 22 слова, что составляет 20,2%.

В бурятском языке, как и в других языках народов СССР, интенсивность заимствования из русского языка зависит от жанра и стилевой разновидности языка. Так, например, в языке бурятской общественно-политической, научно-технической литературы русских и интернациональных заимствований встречается больше, чем в языке художественной литературы. Это объясняется тем, что большая часть общественно-политических и технических терминов, обращающихся в бурятском языке, заимствована из русского.

Роль печати в освоении русских и интернациональных заимствований огромна.

До революции русские слова проникали в бурятский язык устным путем, через живое общение бурят с русскими. Следует заметить, что до революции книги на бурятском языке почти не издавались². Издание книг в Бурятии было сосредоточено в ламаистских дацанах на старомонгольском языке. По содержанию они большей частью являлись религиозными. Однако из-за почти сплошной неграмотности бурятского народа основная его масса не имела возможности читать те немногие светские книги, которые изредка издавались в русских издательствах в Чите и Иркутске. Все это задерживало проникновение в бурятский язык русских заимствований через печать.

А после создания Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики «...в 1923—1924 гг. было выпущено 7 названий объемом 10 печатных листов, из них на бурятском языке — 3 названия в 2,4 печатных листа; в 1937 г. было издано уже 85 названий объемом 350 печатных листов, из них 90 процентов было на бурятском языке»³. Директор Бурятского книжного издательства Д. Дугаров в газете «Буряад үнэн» писал: «1923 ондо оройдоол 7 ном 11 мянган хэһэг тоотойгоор хэблэгдэн гараа һаа, үнгэрһэн 1966 ондо 200 гаран ном хахад миллионһоо дээшэ тиражтайгаар гараа. Тэрэ тоо-

¹ А. Содномов. Рассказ «Һүниин тулалдаан». Из сб. «Үргэн Хорин дуунууд», Улаан-Удэ, 1967, стр. 73—74.

² См. Д. Д. Дугаров. Панамжалхада имэ, «Буряад үнэн» от 10 октября 1967 г.; См. Б. Ц. Дондоков. Возникновение и развитие партийно-советской печати в Бурятии (1918—1937 гг.). Улан-Удэ, 1960.

³ История Бурятской АССР, т. II, Улан-Удэ, 1959, стр. 364.

до улас түрын, эрдэм ухаанай дэбтэр номууд, уран зо-
хеол гэхэ мэтэ оролсоно. Тэдэнэй олонхидынь буряад
хэлэн дээрэ гараа»¹ «Если в 1923 г. отпечатали всего
лишь 7 книг в количестве 11 тысяч штук, то в прошед-
шем 1966 г. выпустили 200 разных книг с тиражом бо-
лее полмиллиона. В это число входят общественно-по-
литические, научные и художественные книги. Многие
из них вышли на бурятском языке».

В советское время печать доводила до широких масс
трудящихся Бурятии идеи марксизма-ленинизма, рас-
ширяла кругозор рабочих, колхозников и интеллиген-
ции, служила для них источником знаний. Все это спо-
собствовало массовому освоению трудящимися Бурятии
русских и интернациональных слов, выражающих новые
понятия социалистической действительности. В первые
годы Советской власти бурятская печать доводила до
широких масс населения смысл русских и интернацио-
нальных слов разными способами. Основным из них был
способ толкования лексических значений заимствован-
ных слов.

На страницах газет и журналов регулярно давались
объяснения русских и интернациональных слов, что спо-
собствовало быстрому внедрению их в разговорный
язык бурят. Многие общественно-политические термины,
заимствованные из русского языка, давались параллель-
но с синонимами, взятыми из родного языка. Например:
нам — парти, *нишгем журам* — социализм, *намын үүр* —
партячейка, *уйлэдбэрчены эблэл* — профсоюз, *мүрысөө* —
соцсоревнование, *шэнжэлхэ ухаан* — наука и т. д.

В дореволюционную эпоху русские заимствования в
разные говоры бурятского языка проникали в неодина-
ковом количестве. Нередко одни и те же предметы или
понятия в одном говоре выражаются исконными бурят-
скими словами, а в другом — русскими. А в советский
период в отношении усвоения русских и интернациональ-
ных слов говоры бурятского языка друг от друга ничем
не отличаются: то или иное заимствование быстро ста-
новится достоянием всех диалектов, говоров и подгово-
ров. В этом основная роль принадлежит печати (газе-
там, журналам, книгам), радио и школе. Через печать
и радио трудящиеся узнают о новостях и событиях по-
литической и хозяйственной жизни страны, о достиже-
ниях науки и техники, о международном положении и

¹ Д. Д. Дугаров. Ганамжалхада нимэ, «Буряад үнэн» от 10
октября 1967 г.

т. д. С помощью печати, радио и школы новые слова, преимущественно русизмы и интернационализмы, почти одновременно усваиваются носителями всех диалектов, говоров и подговоров бурятского языка. О том, насколько хорошо усваиваются советизмы и интернационализмы колхозниками, еще в начале 1930-х годов в «Вестнике Института культуры» отмечалось: «Оказывается, что на самом деле многие международные термины уже давно усвоены и что, наоборот, многие монгольские термины письменного монгольского языка или искусственно созданные не привились и они малоизвестны... Например, кампания, конфликт, контрольная комиссия, госаппарат — знакомы... Многие русские термины уже привились и местное население ими пользуется очень хорошо: *столово* «столовая», *ниаасал* «ясли» и т. д.»¹.

При изучении вопроса о развитии словарного состава бурятского языка в советский период выявляются некоторые особенности заимствования в бурятском разговорном языке. Они касаются в основном сферы и интенсивности проникновения русских заимствований в разговорный язык бурят.

Литературный язык — это прежде всего сознательно обработанный язык, от диалектов и говоров он отличается своей нормативностью, касающейся всех сторон языка: и словарного состава, и грамматического строя, и звукового строя. Нормативный характер литературного языка сказывается и в заимствовании иноязычных слов. Если в его словарном составе имеется слово для выражения того или иного предмета и понятия, то соответствующее иноязычное слово, как правило, не заимствуется.

А разговорный язык характеризуется ненормативностью, необработанностью, здесь нормы литературного языка не соблюдаются. В частности, в нем заметна тенденция к употреблению русских слов вместо исконно бурятских слов. При изучении особенностей говоров исследователями зафиксирована масса подобных русских слов и целых словосочетаний. Например, при исследовании тункинского говора бурятского языка Д. А. Абашеевым установлено, что «в речи носителей говора широко употребляются русские слова, несмотря на то, что в самом говоре имеются бурятские слова, обозначающие соответствующие понятия. Так, например, в речи негра-

¹ «Вестник Института культуры», Бургосиздат, 1931, № 2—3, стр. 66.

мотного колхозника Рабсыла Шармаева, 65 лет, зафиксированы следующие неоправданные заимствования: *Полибоодсхо ар'боото шадхаб* (Полеводческую работу умею делать); *Бедняг ябаһан хүүнби* (Был я бедняком); *Быгбэр, намиид үбээ хөдлөөд ябагшаб* (Работаю без выговоров и постановки на вид); *Аэмагһаа далан табан модон аростаяани* (От аймака на расстоянии 75 верст); *Бсяха пьрооши хөдмөр* (Всякая прочая работа); *Арбан хоер жил холостоз ябааб* (Двенадцать лет холостым ходил); *Поростоз ухаагаараа хөдлөөд ябагшаб* (По простому уму своему работаю); *Шислоогоо хээйти* (Поставь число). В речи другого малограмотного колхозника Шобоева Дондока, 42 лет, были отмечены следующие случаи неоправданных заимствований: *Амитан зон болбол тиймэ ехэ сознательно бэшэ* (Население не такое уж сознательное); *Турдобоз достижеэни дунда зэргэ* (Трудовое достижение среднее); *Оэ таэгада гарша, дөрбө-табан хүүн агнадаг, ямаршбээ перебыполнеэни хэдэг* (Выходят в тайгу на охоту 4—5 человек и без особых затруднений перевыполняют задание); *Государствын задаани дүүргэдэг* (Государственное задание выполняют); *Арьдобоз шьлээн* (рядовой член); *Дөрбөн жэл активаар хөдлөөб* (Четыре года активистом работал); *Таба дахин презми абааб* (Пять раз был премирован)»¹.

В первой речи, состоящей из 30 слов, употреблено 11 заимствованных слов, что составляет 37,0%, а во второй речи, состоящей из 33 слов, употреблено 10 заимствованных слов, что составляет тоже 33,0%.

Проф. Т. А. Бертагаев в работе «О заимствованных русских словах в разговорном бурятском языке» отмечает факты заимствования целых русских фраз: „p'ismoo p'isaidlaka — написать письмо, бумага sortoo traatid-laka — зря тратить бумагу, ро kakoomy d'eeluu jabanat — по какому делу ходите; molod'ooz dolznaa koda razumnaag beremjee provodidlozo baika — молодежь должна всегда свое время проводить разумно»². Это свидетельствует о том, насколько сильно влияние русского языка на все стороны бурятского разговорного языка. Это не что иное, как результат повседневного тесного общения бурят с русскими, регулярного

¹ Д. А. Абашеев. Тункинский говор. «Исследование бурятских говоров», в. I, Улан-Удэ, 1965, стр. 31—32.

² Т. А. Бертагаев. О заимствованных русских словах в разговорном бурятском языке. «Записки Института культуры», в. I, Улан-Удэ, 1935.

чтения русской периодической печати, художественной литературы, книг и брошюр на общественно-политические, научно-технические, сельскохозяйственные, научно-популярные и другие темы.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РУССКИХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СЛОВ, ЗАИМСТВОВАННЫХ БУРЯТСКИМ ЯЗЫКОМ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Старые заимствования на почве бурятского языка подвергались большим фонетическим изменениям, приспособляясь к артикуляционным особенностям бурят. Многие русские заимствования столь сильно ассимилировались, что иногда заимствованное слово по своей фонетической форме почти не похоже на русский источник. Например: *орооһон* «зерно», «рожь», *хэрээһэн* «крест», *хилээмэн* «хлеб» (печеный), *пулаад* «платок» и т. д.

В отношении фонетического оформления старых заимствований бурятский язык среди других языков не составлял исключения. Максимальное приспособление русских слов к артикуляционным особенностям носителей заимствующих языков, особенно в дореволюционный период, было характерно для языков всех нерусских народностей.

Исследователь киргизского языка Г. И. Хоролец пишет: «Раньше, когда киргизы не имели своей письменности, русская лексика проникала в киргизский язык только в результате непосредственного живого общения. Но так как это общение не было систематическим и в достаточной мере тесным, русская лексика в киргизском языке, как правило, сразу же подчинялась фонетическим и грамматическим нормам родного языка: *Усөл*—стол, *бөдөт*—подать, *бадиротчи*—подрядчик, *ашмушка*—восьмушка, осьмушка и др.»¹. Каждый язык имеет фонетические особенности, которые представляют собой один из признаков, выделяющих его в особый, отличный от других язык.

Если сравнить фонетическую систему русского и бурятского языков, то можно заметить много различий

¹ Г. И. Хоролец. Фонетическое освоение русской лексики в киргизском языке. Автореф. дисс., представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Фрунзе, 1956, стр. 3.

между ними. Одной из характерных особенностей бурятского языка, в отличие, в частности, от русского, является наличие в нем закона гармонии гласных или сингармонизма. Качественное различие между фонетической системой русского и бурятского языков выражается: 1) в разном составе фонем, 2) в различном произношении близких звуков, 3) в наличии специфических звуковых закономерностей, действующих в русском и бурятском языках.

Разный состав фонем русского и бурятского языков накладывал явственный отпечаток на фонетическое оформление заимствований дореволюционного периода.

При заимствовании русских слов, содержащих в себе отсутствующие в бурятском языке фонемы, буряты, как правило, заменяли последние наличествующими в своем языке фонемами.

Фонетическая система бурятского языка характеризовалась отсутствием фонем *в, в', к, к', ф, ф', ч, ц, с'* и *щ*. Поэтому еще А. Д. Руднев отмечал в своей известной работе «Хори-бурятский говор», что «... в различении иностранных *б, в, п* и *ф* буряты совершенно

беспомощны: ср. *тарамба* — трамвай, *ошвал* — шпала, *фартэ* — парта, *бешин* — печь, *б'йлхэ* — вилка»¹. Например, отсутствие фонемы *ф* и его произношение и в абсолютном начале, и в середине и в абсолютном конце слов для бурят представляло определенную трудность: фунт — *һүүнтэ*, сарафан — *сарпаан*, штраф — *аштрааб* и т. д.

В бурятском языке заменителями фонемы *ф* были привычные для артикуляции бурят звуки *п, б, х*, а иногда *һ*. Например:

ф||*х*: фуражка — *хураашха*, фуфайка — *хупайха*;

ф||*п*: сарафан — *сарпаан*, фабрика — *паабриг*, шарф — *шаарпа*, конфета — *хомпээтэ*, офицер — *описээр*, камфара — *хумпараа*, фальшивый — *палшыб*;

ф||*б*: шкаф — *ушхааб*, штраф — *аштрааб*, картофель — *хартаабха*;

ф||*һ*: фунт — *һүүнтэ*.

В речи разных социальных и возрастных групп могут наблюдаться и другие замены этого звука. Например, И. В. Баранников в своей работе «К вопросу об освоении бурятами русских звуков»² указывает, что рус-

¹ А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. XX.

² См. И. В. Баранников. К вопросу об освоении бурятами русских звуков. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965, стр. 178—179.

ские слова с фонемой ф, вопреки ожиданиям, бурятскими учащимися обычно заменяются звуком в: «Наиболее распространенной ошибкой была замена ф другим, не менее трудным звуком в: «телефон», «шкав», «фувайка», «ковта» «шовер», «портвель», «тувли»¹.

В составе фонем бурятского литературного языка отсутствует переднеязычная аффриката ц, поэтому на место этого звука буряты систематически подставляли привычный для их артикуляции переднеязычный щелевой звук с. Например: «улица» *үйлсэ*, «матица» *маатинса*, «царь» *саарь*, «цыган» *сигаан*, «церковь» *сээрхэб*, «больница» *болниисо*. В своей русской речи бурятские учащиеся смычно-щелевой переднеязычный звук ц обычно заменяют щелевым, переднеязычным звуком с: «центр» — *сентр*, отец — *отес*, цыган — *сыган*, цветок — *свето*, или сочетанием смычного т с щелевым с: *литсо*, *куритса*².

Довольно сильное влияние на фонетическое оформление ранних заимствований оказало наличие специфических звуковых закономерностей, действующих в бурятском языке. Они имеются и в области вокализма, и в области консонантизма.

В области вокализма наиболее характерными и распространенными специфическими закономерностями являются: а) закон сингармонизма, б) утрата или исчезновение в определенном положении редуцированных гласных. Закон сингармонизма играл, несомненно, значительную роль в фонетическом оформлении ранних заимствований. Если в русских словах были гласные и переднего, и заднего ряда, то на почве бурятского языка они оказывались или все мягкого, или все твердого ряда, в зависимости от того, какой гласный звук содержал первый слог.

Русские заимствования оформляются в бурятском языке по закону прогрессивной ассимиляции гласных, например: *оожом* «озимь», *углуу* «угол», *саала* «сало» и т. д., а также по закону регрессивной ассимиляции гласных, например: *янараал* «генерал».

Из анализа фактического материала заимствований можно выявить следующие бурятские субституты отдельных гласных в русских и интернациональных словах.

¹ И. В. Баранников. К вопросу об освоении бурятами русских слов. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965, стр. 178—179.

² Там же.

Субституты русского гласного а:

1. Ударяемы русский гласный а замещается в любом слоге слова твердорядным широким неогубленным долгим монофтонгом аа бурятского языка, например: «голова» *гулбаа*, «лавка» *лаабхи*, «амбар» *амбаар*, «ворота» *бартаа*, «балаган» *балгаан*, «обка» *баабхай*, «таз» *таас*, «банк» *баанха* и т. д. Однако иногда встречаются случаи замены ударного а под влиянием предшествующих гласных гласным э, например: «тюрьма» *түрмэ*, «крупа» *хүрпээ*, или долгим гласным уу: «бурда» *бурдууг*.

2. Безударный русский гласный а замещается следующими бурятскими гласными: а) твердорядным широким огубленным кратким монофтонгом о под влиянием долгих гласных, определяющих гармонию. Например: «барахло» *борхолоо*, «пароход» *порохоод*, «бочка» *боошхо*; б) мягкорядным широким неогубленным кратким монофтонгом э под влиянием предшествующего долгого гласного, определяющего гармонию. Например: «гречиха» *гэршүүхэ*, «дума» *дүүмэ*, «душа» *дүүшэ*, «мякина» *мэхиинэ*, «нитка» *ниидхэ*, «шина» *шинэ*.

Субституты русского гласного о:

1. Ударный русский гласный о замещается в бурятском языке: а) твердорядным широким огубленным долгим монофтонгом оо, например: «вершок» *биршоог*, «волость» *боолос*, «бобр» *бообор*, «вожжи» *боожо*, «бочка» *боошхо*, «воронка» *бороонхо*, «горшок» *горшоог*, «горница» *гооринсо*;

б) мягкорядным широким неогубленным долгим монофтонгом ээ под влиянием гласного первого слога, например: «мешок» *мэшээг*;

в) твердорядным узким огубленным долгим монофтонгом уу под влиянием гласного а первого или последнего слога, например: «залог» *залууг*, «завод» *забууд*, «завозня» *забуужан*, «колода» *хулууда*;

г) мягкорядным широким огубленным долгим монофтонгом өө, например: «кошка» *хөөшхэ*, «кусок» *хүсөөг*, «центровка» *сүндэрөөбхэ*;

д) твердорядным широким неогубленным кратким монофтонгом а под влиянием гласного а первого слога, например: «замок» *замаг*;

е) твердорядным широким неогубленным долгим монофтонгом аа под влиянием гласного а первого слога, например: «картофель» *хартаабха*.

2. Безударный русский: гласный о замещается в бурятском языке:

а) твердорядным широким неогубленным кратким монофтонгом *а* под влиянием предшествующего или последующего долгого гласного, например: «сало» *саала*, «сковородка» *усхабардаа*, «солдат» *салдаад*;

б) твердорядным узким огубленным кратким монофтонгом *у* под влиянием последующего или предшествующего гласного *а*, например: «борозда» *бураздаа*, «голова» *гулбаа*, «толмач» *тулмааша*, «толмачить» *тулмаашалха*, «толковать» *тулхабаалха*, «ограда» *уграада*, «очаг» *ушааг* и т. д.

Субституты русского гласного *э* после мягкого согласного.

1. Ударный русский гласный *э* после мягкого согласного замещается в бурятском языке:

а) мягкорядным широким неогубленным твердым долгим монофтонгом *ээ*, например: «деревня» *дэрээбэн*, «ячмень» *ешмээн*, «хлеб» *хилээмэн*, «семейский» *шэмээшэг*;

б) твердорядным широким неогубленным кратким монофтонгом *а* под влиянием гласного первого слога или долгого гласного последующего слога, например: «бумадея» *пумаажан*, «сажень» *сажан*, «генерал» *янараал*, или *гинараал*.

2. Безударный русский гласный *э* замещается в бурятском языке: а) твердорядным узким огубленным кратким монофтонгом *у* под влиянием других гласных, определяющих гармонию, например, «межа» *мужаа*;

б) нейтральным узким неогубленным кратким монофтонгом *и*, например: «молескин» *мэлистин*, «ситец» *сиитис*, «студень» *устүүдин*.

Субституты русского гласного *у*.

1. Ударный русский гласный *у* замещается в бурятском языке:

а) твердорядным узким огубленным долгим монофтонгом *уу*, если гласный *у* в русских словах находится после твердых согласных, например: «картуз» *хартуус*, «петух» *питууха*, «капуста» *хапууса*.

б) мягкорядным узким огубленным долгим монофтонгом *үү*, если гласный *у* в русских словах находится в первом слоге, например: «бульба» *бүүльбэ*, «рюмка» *үрүүмхэ*, «блюдо» *бүлүүдэ*, «кружка» *хүрүүшхэ*, «утюг» *үтүүг*, «пуля» *пүүли*;

в) мягкорядным широким неогубленным монофтонгом *э*, например: «шуруп» *шүрэб*, *шүрэг*;

г) дифтонгом *үй*, например: «улица» *үйлсэ*.

2. Безударный русский гласный у в бурятском языке замещается:

а) мягкорядным узким огубленным кратким монофтонгом ү, например: «губерния» *гүбээрни*, «купец» *хүпецэ*;

б) твердорядным широким огубленным кратким монофтонгом о, например, «суббота» *собоото*;

в) твердорядным широким неогубленным кратким монофтонгом а, например: «заступ» *заастаб*.

Субституты русского гласного и.

Ударный русский гласный и в бурятском языке замещается:

а) через узкий переднерядный неогубленный долгий монофтонг ии, например: «ситец» *сиидсэ*, *сиитис*, «вилка» *биилхэ*, «сарпинка» *сарпиинха*, «кирпич» *хирпиисэ*, «мякина» *мэхиинэ*, «сатин» *сатиин*, «спирт» *испииртэ*;

б) через мягкорядный широкий неогубленный монофтонг э, например: «денщик» *дэншэг*;

в) через долгий ы, который является оттенком бурятского монофтонга ии¹, например: «насилу» *нашыла*, «спасибо» *башыба*, «цифра» *сынэр*, «чин» *шын*;

г) через твердорядный широкий неогубленный краткий монофтонг а, например: «аршин» *аршам*, «лучина» *лушан*.

Субституты русского гласного ы.

1. Ударный русский гласный ы в бурятском языке замещается:

а) узким переднерядным неогубленным долгим монофтонгом ии, что характерно для заимствованных слов старого письменного языка, например: «выбор» *бибор*;

б) твердорядным узким огубленным дифтонгом үй, например: «мыло» *мүйлэ*;

в) твердорядным широким неогубленным кратким монофтонгом а, например: «башлык» *башлаг*.

2. Безударный русский гласный ы в бурятском языке замещается под влиянием ударного а предшествующего слога:

а) твердорядным широким неогубленным кратким монофтонгом а, например: «главный» *галаабна*, «барыня» *баарани*;

б) мягкорядным широким неогубленным кратким монофтонгом э, например: «крыльцо» *хэрэлсээ*, «честный» *шээснэ*;

в) твердорядным широким огубленным кратким мо-

¹ См. И. Д. Бураев. Звуковой состав бурятского языка, стр. 144—145, 157, 161.

нофтонгом о, например: «кондырь» *хоондор*, «лодырь» *лоодорь*.

Среди русских заимствований дооктябрьского периода встречаются также слова, оформленные по закону неполного сингармонизма. Такое явление особенно часто встречается в деловых бумагах, написанных на старописьменном монгольском языке. Об этом же отмечает Л. Д. Шагдаров в работе «Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху»: «Правила гармонии и последовательности расположения гласных в заимствованных словах обычно не соблюдались: *описер* (офицер), *губирнатор* (губернатор), *божавода* (воевода), *патронг* (патрон)»¹. Далее он пишет, что «после революции в период старомонгольского письма также не были установлены строгие правила написания заимствованных слов... Ударные гласные обозначались одной буквой, гармония гласных не соблюдалась»² и т. д.

О нарушениях сингармонизма в основах заимствованных слов современного бурятского литературного языка отмечено И. Д. Бураевым в работе «Звуковой состав бурятского языка»: «Некоторые отступления от сингармонизма, наблюдаемые в основах заимствованных слов, говорят о недостаточной усвоенности этих слов самими носителями бурятского языка»³.

Другой характерной особенностью бурятского вокализма является неустойчивость, непостоянство редуцированных гласных и утрата их в известных фонетических положениях. Такая закономерность бурятского вокализма оказывала заметное влияние на фонетический облик старых заимствований. В русских заимствованиях в основном выпадали конечные безударные редуцированные гласные. Например: «школа» *ошхоол*, «чернила» *шэрниил*, «одеяло» *адияал*, «квартира» *хабартиир*, «контора» *хонтоор*, «фабрика» *пабрииг*, «гиря» *гиир*. То же наблюдалось и в старомонгольском письменном языке: «награда» *нагарад*, «воевода» *войавод*. Встречается выпадение безударных гласных и в середине слова, например: «балаган» *балгаан*, «волокуша» *булхаа*, «барахло» *борхолоо*, «барахолка» *борхоол*, «самокат» *самхаад*, «сыромятный» *сармяад*.

В некоторых заимствованных словах редуцированные

¹ Л. Д. Шагдаров. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967, стр. 41—42.

² Там же, стр. 43.

³ И. Д. Бураев. Указ соч., стр. 173.

гласные выпадают вместе с согласными, с которыми они составляют слог. Например: «волокуша» *булхаа*, «огдобля» *оглеобо*, «дождевик» *дожбииг*, «дробовик» *дорбииг*, «завалинка» *забаалин*, «поскотина» *посхоод* и т. д.

Такое выпадение целых слогов имело место во многих других заимствованиях в начале, конце и середине слова: «капуста» *хапууса*, «байховый» *байхуу*, «выборный» *борной*, «одноколка» *однолоол*, «очередь» *оошор*, «передок» *пэртихэ*, «сыромятный» *сармяад*, «волость» *боолос*, «берданка» *бирдаан*, «зимовье» *зэмеэ* и т. д.

Бурятскому языку чуждо стечение гласных. Поэтому в заимствованных словах между двумя гласными появлялись соединительные согласные: «мотоуз» *матабууза*, «переулок» *парабуулаг*, «заимка» *зайамха*, «недоимка» *дойонхо*. Любопытно, что в качестве соединительных гласных выступают те гласные, которые когда-то находились в комплексах (гласный+согласный+гласный), давших долгие гласные в монгольских языках.

При рассмотрении замещения русских гласных звуков бурятскими по требованию сингармонизма выявляются следующие общие закономерности:

1. Если в русском слове ударение падает на гласный звук первого слога, то независимо от состава и количества гласных последующих слогов, огласовка всего слова определяется этим ударным гласным первого слога, например: «озимь» *оожом*, «бочка» *боошхо*, «вожжа» *боожо* и т. д.

2. Однако огласовка всего слова зависит иногда от гласных первого слога, хотя ударение может быть и в конце слова. Например: «замок» *замаг*, «сажень» *сажан*, «тюрьма» *түрмэ*.

3. Большей частью огласовка слова зависит от гласных ударного слога в любой позиции слова, например: «ворота» *бартаа*, «барахло» *борхолоо*, «лавка» *алаабхи*, «мякина» *мэхиинэ*, «ячмень» *ешмээн* и т. д.

На фонетическое оформление ранних заимствований определенное влияние оказывали также и звуковые закономерности бурятского консонантизма. К фонетическим особенностям бурятского консонантизма относятся: 1) отсутствие звуков *в, в¹, к, к¹, ф, ф¹, ч, ц, с' и мягкого *ш*, обозначаемого буквой *ш*; 2) отсутствие стечения двух, трех и более согласных в начале или конце слова, стечения взрывного со взрывным или любым другим согласным в середине и конце слова (стул, обряд, пакт); 3) отсутствие слов, начинающихся со звука*

р; 4) употребление фонемы *нг* в конце слова и перед согласными *г* и *х*.

В бурятском языке действует закон ассимиляции звуков, заключающийся в уподоблении одного звука в слове другому. Русские заимствования в бурятском языке приспособляются к закону и прогрессивной, и регрессивной ассимиляции.

Примеры регрессивной ассимиляции: «спасибо» *башыба*, «головня» *гуламня*, «недоимка» *дойонхо*, «старшина» *таршанаа* и т. д. Примеры прогрессивной ассимиляции: «монпансье» *мампасии*, или *мампасез*, «передок» *пэртихэ*, «трубка» *түрүүнхэ*, «четверть» *шээтпэртэ*, «часовой» *шошобой*.

Ввиду отсутствия стечения согласных в начале и конце бурятских слов русские заимствования на почве бурятского языка претерпевали следующие фонетические изменения:

1. Вставлялись гласные фонемы между согласными в начале и в конце слова, например: «блоха» *булуудха*, «крупа» *хүрпээ*, «гречуха» *гэршүүхэ*, «дранка» *дараанса*, «жребий» *жээрэб*, «куртка» *хүүртиг*, «козлы» *хоозол*, «холст» *хоолосто*, «клоп» *хулнаа*, «коврига» *хүбэриг*, «крыльцо» *хэрэлсы*, *хэрэлсээ*, «крещенный» *хэрээснэг*, «крест» *хэрээһэн*, «шевро» *шобороо*, «шляя» *шилья*, «шкворень» *шобоорниг*, *шобоорин*, «бобр» *бообор*, «квас» *хубааһан*, «плаха» *палааха*, «плита» *пилтаа*, «барахло» *борхолоо*, «хлеб» *хилээмэн*, «завозня» *забуужан*, «платок» *пулаад*, «смутить» *самастиилха*.

Иногда встречаются заимствованные из русского языка слова, у которых на почве бурятского вставлялись гласные между согласными в середине слова. Например: «горница» *гооринсо*, «отруби» *ооторьбо*, «подрез» *поодорзо*, «потроха» *пооторхо*.

2. Вставлялись также гласные звуки перед стеченными согласными в начале или после стеченных согласных в конце заимствованных слов. Например: «студень» *үстүүдин*, *үстүүжин*, «сковорода» *усхабардаа*, «шкаф» *ушхааб*, «стол» *остоол*, «стул» *үстүүл*, «банк» *баанха*, «стакан» *астахаан*, «гурт» *гүүртэ*, «подрез» *поодорзо*, «холст» *хоолосто*, «клоп» *хулнаа*, «фунт» *һүүнтэ*, «черт» *шоорто*, «толк» *тоолхо*, «спирт» *эспииртэ*.

3. Опускался один из стеченных согласных в начале или конце заимствованных слов. Например: «старшина» *таршанаа*, «спасибо» *башыба*, «квитанция» *питаанса*, «втулка» *түүлхэ*, «шкворень» *шобоорин*, *шобоорниг*, «пшеница» *шэниисэ*, «ярмарка» *ярмаг*, «вьюшка» *юуш-*

хэ, «волость» боолос, «вожжи» боожо, «голландка» гилаанха, «дождевик» дожбииг, «оглобля» оглеобо, «восьмушка» бушмууха, «счеты» шоото, «волостной» болосной, «мундштук» муштүүг.

В некоторых случаях, как мы выше отмечали, при обурячивании русских слов выпадали целые слоги в начале, середине и конце их, то есть они подвергались регрессивной ассимиляции, например: «выборный» борной, «дождевик» дожбииг, «берданка» бирдаан. Или же в конце заимствованных слов наращивались целые слоги-аффиксы: -һан, -һэн, -һон, -ан, -эн, -он, -г, -шан, например: «крест» хэрээһэн, «квас» хубааһан, «рожь» орооһон, «солома» холоомон, «хлеб» хилээмэн, «дуга» дугааг, «шкворень» шобоорниг, «бурда» бурдууг, «сени» сээниг, «крещеный» хэрээснэг, «печь» пезшэн, «каторжник» хаатаршан.

Гласные звуки наращивались после одинарных согласных в конце заимствованных слов. Например: «барыш» баришша, «гуж» гүүжэ, «мотоуз» матабууза, «ухаб» ухааба, «карбас» хаарбаза, «калач» халааша, «тес» хеосо, «короб» хоорбо, хоорпо, «червонец» шарбуунса, «тулмач» тулмааша, «угол» углуу, «кирпич» хирпиисэ, «kozyрь» хоозори.

Ввиду того, что в бурятском языке до недавнего времени не было слов с начальными **р** и **л**, во всех русских заимствованиях перед начальными «**р**» и «**л**» вставлялись гласные звуки. Например: «рогожа» оргоожо, «рожь» ороод, орооһон, «работа» орбоото, «лавка» алаабхи, «лампа» алаампа, «лента» элеэнтэ. Эта же фонетическая закономерность действовала в старописьменном монгольском языке. Например, заимствованные слова из тибетского языка типа лама, Ринчин, Ранза, Рабжаа, Радна и т. д. в письменном языке писались в виде: блама, Иринция, Аранза, Арабжаа, Араднаа и т. д.

Ц. Б. Цыдендамбаев в своей работе «Влияние русского языка на развитие бурятского» о заимствованном слове с начальным **р** «рожь» пишет следующее: «Орооһон представляет собой изменившееся русское слово «рожь», которое, попав в бурятский язык, первоначально, по всей вероятности, звучало как ороос (ср. заалис «залезь»). Такое звучание вполне объяснимо, так как в бурятском языке слова не начинаются с согласного **р**, перед ним, в соответствии с общей огласовкой слова, появляется дополнительный гласный **о**, а русский ударный гласный **о**, следовавший за **р**, закономерно переходит в бурятский долгий **оо** и, наконец, поскольку бу-

рятские слова не оканчиваются на **ж**, вместо него появляется конечный **с**, то есть русское «рожь» сначала превратилось в бурятское **ороос**. Для понимания дальнейшей деформации этого заимствования необходимо вспомнить, что в бурятском языке в свое время произошел процесс перехода **с** в **h**, в силу чего слова с аффиксальным **-сан** и отчасти **-с** приобрели **-һан**: *нарасан — нараһан* «сосна», *хусан — хуһан* «береза», *усан — уһан* «вода», *ясан — яһан* «кость» и т. п.

Этому же фонетическому явлению подверглись относительно ранние русские заимствования, а именно *ороос* «рожь — ярица» преобразовалось в *орооһон* «зерна ржи — ярицы или пшеницы»¹.

В области консонантизма ранние русские заимствования подверглись и некоторым другим изменениям, обусловленным специфическими особенностями фонетической системы бурятского языка. Нередко согласные, содержащиеся в русских словах, на почве бурятского языка заменялись другими согласными.

В заимствованных словах конечные смычные сильные твердые глухие звуки **к**, **т**, **п** в бурятском языке становятся звонкими слабыми в конце слога или слова и произносятся соответственно как **г**, **д**, **б**.

Заднеязычный смычный сильный твердый глухой **к** заменялся заднеязычно-увулярным слабым твердым **г**: «барак» *барааг*, «варнак» *барнааг*, «батрак» *батрааг*, «башлыг» *башлаг*, «вершок» *биршоог*, «горшок» *горшоог*, «дурак» *дурааг* (картежная игра), «денщик» *дэншэг*, «жулик» *жүүлиг*, «замок» *замаг*, «мундштук» *мүштүүг*, «мешок» *мэшээг*, «сундук» *сүндүүг*, «очаг» *ушааг*, «кусок» *хүсөөг*, «чердак» *шардааг*.

Переднеязычный апикальный смычный сильный твердый глухой **т** заменялся переднеязычным смычным слабым твердым **д**: «бархат» *баархад*, «нитка» *ниидхэ*, «центровка» *сүндэрөөбхэ*, «хомут» *хомууд*, «халат» *халаад*, «лопатка» *лабаадха*, «самокат» *самхаад*, «сыромятный» *сармяад*, «сутки» *сүүдхэ*, «чуть» *шүүд* и т. д.

Губно-губной смычный сильный твердый глухой **п** заменялся губно-губным слабым твердым **б**: «заступ» *заастаб*, «лопатка» *лабаадха*, «лапта» *лаптаа*, «лапша» *лабшаа*, «супонь» *собхоон*, «капкан» *хабхаан*, «шуруп» *шүрэб*, «зипун» *жэбхүүн* и т. д.

Смычные глухие зубные аффрикаты **ц** и **ч** русских слов при их заимствовании на бурятской почве соот-

¹ Ц. Б. Цыдендамбаев. Влияние русского языка на развитие бурятского, стр. 103.

ветственно становятся щелевыми глухими сильными альвеолярными с и ш. Примеры, на ц→с: «огурцы» *үгэрсэ*, «ситец» *сиитис*, «центровка» *сүндэрөөбхэ*, «улица» *үйлсэ*, «крыльцо» *хэрэлсы*, *хэрэлсээ*, «червонец» *шарбуунса*, «ярица» *яарса*, «целковый» *солхооб* и т. д. Примеры на ч→ш: «буравчик» *бураабша*, «гречуха» *гэршүүхэ*, «бочка» *боошхо*, «ячмень» *ешмээн*, «нарочный» *наарашна*, «наличник» *налишшиг*, «очередь» *оошор*, «печь» *пешэн*, «точило» *тошыло*, «толмач» *тулмааша*, «толмачить» *тулмаашалха*, «очаг» *ушааг*, «калач» *халааша*, «чердак» *шардааг*, «чалдон» *шолдоон*, «черт» *шоорто*, «часовой» *шошобой*, «чуть» *шүүд*, «чурка» *шүүрхэ*, «четверть» *шээтпэртэ*, *шээптэ*, «лучина» *лушан*.

Имеются случаи замены смычной глухой аффрикаты ч на переднеязычный щелевой сильный твердый глухой с, например: «чересседельник» — *сэртэзиг*, «кирпич» — *хирпиисэ*; щ, сч — на ш, например: «денщик» *дэншэг*, «ямщик» *емшэг*, «щетка» *шоотхо*, «еще» *үшөө*, «счеты» *шоото*; с, з — соответственно на ш, ж, например: «порошок» *поршоонхо*, «насилу» *нашыла*, «спасибо» башыба, «седелка» *шожоолхо*, «семейский» *шэмээшэг*, «зипун» *жэбхүүн*, «завозня» *забуужан*, «бумазейный» *пумаажан*.

Относительно закономерности такого чередования Ц. Б. Цыдендамбаев в вышеуказанной работе отмечает, что «в звуковом составе бурятского языка не было смягченных с и з. По этой причине в заимствованных словах с и з соответственно переходили в ш и ж: «сера» *шиирэ* в знач. «спички», «поселок» *пошоолхо*, «семейский» *шэмээшэг* в знач. «старообрядец», «сусек» *сүшээг* и др.; «озимь» *оожом*, «брэзент» *бэржээнтэ*, «зипун» *жэбхүүн* и др.»¹.

К в бурятском языке обусловило его субституцию в заимствованных словах заднеязычно-увулярного щелевого твердого сильного глухого звука х. Например: «банк» *баанха*, «бабка» *баабхай*, «берданка» *бирдаанха*, «бочка» *боошхо*, «воронка» *бороонхо*, «булавка» *булаабха*, «восьмушка» *бушмууха*, «голландка» *галаанха*, «голубка» *гулабхаа*, «лепешка» *лепоошхо*, «известка» *избеосхо*, «лопатка» *лабаадха*, «махорка» *мохоорхо*, «мякина» *мэхиинэ*, «нагайка» *нагайха*, «нитка» *ниидхэ*, «одноколка» *однохоолхо*, «паданка» *пааданха*, «полоска» *подоосхо*, «порошок» *поршоонхо*, «постромка» *построонхс*, «поскотина» *посхоод*, «подушка» *пудуушха*, «самокат» *самхаад*, «сутки» *сүүдхэ*, «сушка» *сүүшхэ*, «сково-

¹ Ц. Б. Цыдендамбаев. Указ. соч., стр. 104.

рода» *усхубардаа*, «таракан» *тархаан*, «толк» *тоолхо*, «карбас» *хаарбаза*, «катанки» *хаатанха*, «каторжник» *хаатаршан*, «капкан» *хабхаан*, «кадушка» *хадуушха*, «калач» *халааша*, «канава» *ханааб*, *ханааба*, «карман» *хармаан*, «картофель» *хартаабха*, «кошева» *хашабаа*, «кирпич» *хирпиисэ*, «колос» *хоолос*, «кондор» *хоондор*, «кошка» *хөөшхэ*, «куль» *хүүли*, «kozyрь» *хоозори*, «kozyлы» *хоозол*.

Отсутствие губно-зубного щелевого звонкого слабого звука **в** в бурятском языке сказалось на том, что данный звук в заимствованных из русского языка словах на бурятской почве стал звучать как губно-губной слабый твердый звук **б**. Например: «варнак» *барнааг*, «ворота» *бартаа*, «вершок» *биршоог*, «волося» *боолос*, «вожжа» *боожо*, «воробей» *борбилоо*, «ворожей» *боржышо*, «воронка» *бороонхо*, «завозня» *забуужан*, «квас» *хубааһан*, «морковь» *морхооб* (*морхоог*), «овес» *обеос*, «овин» *обин*, «фальшивый» *палшыб*, «целковый» *солхооб*, «кошева» *хашабаа*, «коврига» *хүбэриг*, «шевро» *шобороо*, «червонец» *шарбуунса*, «шкворень» *шобоорниг* (*шобоорин*), «часовой» *шошобой*, «конвой» *хамбы*.

Иногда русский согласный **в** в бурятском языке замещается губно-губным смычным твердым носовым сонантом **м**, например: «бревно» *бэрэмнөө*, *бүрэмнөө*, «головня» *гуламняа*.

Русский звонкий губно-губной **б** в бурятском языке замещается: а) в начале слов губно-губным смычным сильным твердым глухим звуком **п**, например: «банкротство» *панхаруутаха*, «бумазейный» *пумаажан*, *пумажээ*; б) в середине и в конце слов губно-губным смычным твердым носовым сонантом **м**, например: «табак» *тамахин*, «хлеб» *хилээмэ*.

Встречаются случаи чередования переднеязычного дорсального щелевого слабого твердого звонкого **з** с переднеязычным щелевым сильным твердым глухим **с**, например: «картуз» *хартуус* (*тамхин*), «карниз» *харниис*, а также на двухфокусный щелевой слабый смягченный звонкий звук **ж**, например: «газета» *гажээд*, «завозня» *забуужан*.

Русский согласный звук **с** в бурятском языке замещается иногда в начале и середине слова фарингальным щелевым слабым твердым звуком **һ**, например: «солома» *һолоомо*, «кусок» *хэһэг*.

Таковы вкратце изменения согласных звуков в наиболее устойчивых и распространенных вариантах заимствованных слов дореволюционного периода во всех

трех позициях. Что касается изменений в сочетаниях согласных, то они полностью обусловлены теми ограничениями, какие действуют в нормах сочетаемости согласных в бурятском языке.

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РУССКИХ СЛОВ, ЗАИМСТВОВАННЫХ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

После Великой Октябрьской социалистической революции заимствование слов из русского языка и через него из других языков в бурятский язык вступает в новую фазу. Начиная с 30-х гг. нашего столетия идет интенсивное заимствование русских и интернациональных слов без особых фонетических изменений.

В 30-х гг. в Бурятии, как и во всех других национальных республиках, широким фронтом осуществляется культурная революция. Это проявилось в ликвидации неграмотности широких масс населения, унаследованной от старого общества, в переходе на всеобщее начальное обучение, в подготовке народной интеллигенции и т. д. Культурная революция оказывала довольно заметное влияние на развитие бурятского языка. Начинается массовое заимствование русских и интернациональных слов, обозначающих предметы и понятия социалистической действительности.

Как указывалось выше, до революции русские заимствования на старописьменном монгольском языке писались примерно так, как они произносились в бурятском разговорном языке, например: *хоолос* «колос», *обиос* «овес», *тарагтад* «трактат», *холлисхон* «коллежский», *побиности* «повинность» и т. д. И после революции, вплоть до 1930 года, на старом письменном языке орфографирование русских и интернациональных слов также проводилось по произносительным нормам разговорного бурятского языка. Например: *мархасисам* «марксизм», *хомонисам* «коммунизм», *синдихад* «синдикат», *тарамбаи* «трамвай», *Валдимир* «Владимир», *порписор* «профессор», *хулуб* «клуб», *тарагтар* «трактор», *михороб* «микроб», *батараг* «батрак»¹ и т. д.

Только в связи с культурной революцией и с началом применения латинизированного алфавита для бу-

¹ См. Sojolün kubiska1, 1928, № 1; Erdem ba sasın, 1928, № 1; Л. Д. Шагдаров. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху, стр. 43.

бурятского литературного языка и последующим переходом его на русскую кириллицу орфографирование интернациональных и русских новых заимствований в корне изменяется в сторону максимального приближения к русской графике и орфографии.

В связи с переходом бурятского литературного языка в 1931 г. на латинскую графическую систему появилась возможность передать русские и интернациональные слова с большей точностью, тогда как старомонгольская письменность, как известно, создавала графическо-технические трудности в оформлении иноязычных слов, тем самым тормозилась и сам процесс заимствования. «Основное преимущество нового алфавита,— пишет Л. Д. Шагдаров,— по сравнению со старым заключалось в том, что в латинизированном алфавите каждая фонема получила свое обозначение. Благодаря этому парные фонемы *о* и *у*, *о* и *у*, *д* и *т*, *дз* и *ј*, *дж* и *дз*, *ч* и *ц*, *х* и *г*, передававшиеся одним знаком, стали обозначаться соответственно буквами *o, u, ɔ, y, d, t, z, j, c, ʒ, k, g*»¹.

Далее он там же сообщает, что «при переходе в 1939 году с латинизированного алфавита на новый алфавит, основанный на русской графике, состав фонем литературного языка остался по существу прежним. Лишь для использования в заимствованных словах была введена фонема *щ*. Однако алфавит претерпел довольно значительные изменения. Если прежний алфавит состоял из 29 знаков, то новый располагал 36, то есть в бурятский алфавит были введены 7 знаков, а именно *е, ё, ю, я, ы, щ, ь*»².

Если при латинизированном алфавите в заимствованных словах из русского и других европейских языков палатализация согласных совершенно не обозначалась (*telefoon* — тэлэфоон), то теперь введение в алфавит четырех йотированных букв и буквы *ы* позволило усовершенствовать передачу на письме мягких согласных фонем, например: *telefoon* — телефон, *artee-li* — артель, *akkumuliaatar* — аккумулятор, *gazeete* — газета и т. д.

Новые заимствования теперь не подчиняются специфическим закономерностям бурятского языка. В настоящее время буряты легко преодолевают и такую артику-

¹ Л. Д. Шагдаров. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху, стр. 7.

² Там же, стр. 9.

ляционную трудность русского произношения, как произношение звука **р** в начале слова и стечение двух или более согласных в абсолютном начале и конце слов. Например: радио, район, драма, приказ, врач, студент, старт, спортсмен, председатель и т. п.

В связи с этим следует отметить, что именно русский алфавит, массовое заимствование слов из русского языка и интенсивное распространение двуязычия у бурят, характерные для советского периода развития бурятского языка, сыграли определенную роль в уточнении и дифференциации артикулирования некоторых звуков, в заимствовании новых фонем и закономерностей сочетания и позиционного употребления звуков.

«В результате распространения русского языка среди бурят и массового заимствования слов из этого языка,— пишет Л. Д. Шагдаров,— перечисленные выше звуки (т. е. **к, ц, ч**.—У.-Ж. Д.) в литературном языке становятся самостоятельными фонемами. В школах, в передачах по радио, телевидению, в сценической речи, словом, там, где употребляется литературный язык в устной форме, упомянутые выше звуки бытуют как самостоятельные фонемы. В настоящее время литературной нормой является произношение **к, ц, ч, щ**, а не **х, с, ш**: механика, методика, склад, цемент, цирк, чемпион, летчик, лампочка, щелочь, училище, но не: *михааниха, митоодихо, асхалаад, сээминтэ, сырхэ, шимпеон, леодшог, лаампашха, шоолош, үшылишэ* и т. д.»¹.

КАЛЬКИ

Словарный состав бурятского языка заметно пополнился, кроме лексических заимствований, кальками с русских слов и выражений. В кальках заимствованными являются не сами слова, а лишь их морфологическое строение.

Кроме отдельных слов, калькируются и словосочетания, что заключается в буквальном переводе составляющих их компонентов. Следует заметить, что калькирование с иноязычных слов и словосочетаний при устном заимствовании не наблюдается, кальки создаются переводчиками, они имеют место лишь при книжном заимствовании.

Кальки можно найти в общественно-политической,

¹ Л. Д. Шагдаров. Указ. соч., стр. 12.

научно-технической, сельскохозяйственной, учебной и другой литературе.

Проф. Т. А. Бертагаев в работе «Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурят-монгольского языка» пишет, что влияние русского языка на бурятский проявляется не только в заимствовании готовых слов, «но и в способе конструирования слов или слова для передачи тех или иных понятий, перенятых бурятами у русских, а также в построении слов соответственно тому складу мышления и представлений, которые господствуют в идеологии русского человека нашего времени. Современный литературный бурят-монгольский язык, воспринимая новые понятия или представления, выраженные в русском языке, не только копирует словопроизводство и словосочетание его, но и создает слова и термины по русскому образцу и тем самым обогащает и перестраивает свою собственную смысловую систему, приближая ее к смысловой системе современного русского языка»¹.

Автор анализирует не только кальки отдельных слов (расширение — *үргэдхэлгэ*) и словосочетаний (широкий размах — *үргэн далайса*), но и копирование целых синтагм и предложений (воздух занимает место — *агаар нуури эзэлдэг*; Вместо того чтобы повисить ответственность, проходят мимо нее — *Харюусалгыг дээшэлүүлхын орондо, харин тэрэнэй хажуу тээгүүр гарадаг байха юм*)².

При этом он отмечает, что встречаются случаи калькирования грамматических и служебных слов, даже отдельных морфем³: обязательства перед государством — *гүрэнэй урдахи цялганууд*; дощечка — *хабтагайхан*.

Далее Т. А. Бертагаев приводит примеры семантических калек, образованных, по его словам, «путем подражания смысловой структуре русских слов. Когда образуется термин *нюртата амитан* «позвоночные», то он соответствует последнему, означая буквально «позвоночные существа», то же самое наблюдаем в *уридшалан мэдэлгэ* «предвидение», которое составлено по образцу последнего, означая буквально «опережающее узнавание», как *саг зуура* «временно», буквально «время» —

¹ Т. А. Бертагаев. Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурят-монгольского языка, «Сб. трудов по филологии», в. 1, Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1948, стр. 31.

² Примеры взяты из указ. соч. Т. А. Бертагаева, стр. 32, 35, 36.

³ См. там же, стр. 36.

промежуток». Фактов подобного образования можно подобрать значительное количество»¹.

Таким образом, в вышеназванной работе Т. А. Бертагаева рассмотрены случаи образования словообразовательных, фразеологических и семантических калек.

Кальки бывают в основном двух типов: словообразовательные (к которым примыкают и фразеологические) и семантические². «Словообразовательные кальки — это такие слова, которые возникли как результат перевода иноязычных слов по составляющим их морфологическим частям, как результат усвоения словообразовательной структуры чужих слов. Иноязычность словообразовательных калек заключается, следовательно, в том, что они возникают по образу соответствующих по значению иноязычных слов, но этим их «чужезычие» и ограничивается: корни, аффиксы, их составляющие, не заимствованные, а свои, для русского языка — исконно русские»³. В бурятском языке к словообразовательным калькам относятся *бурхангуйшүүл* — безбожники, *ажыхынхид* — хозяйственники, *ангигүй* — бесклассовый, *үгытэйнэр* — бедняки, (букв. неимущие), *ээлжээтэ бэшэ* — внеочередной (букв. неочередной), *түмэр замайхид* — железнодорожники и т. д.

Но наиболее распространены в бурятском языке фразеологические кальки, то есть словосочетания, возникающие в результате буквального перевода русских фразеологизмов. Например: «трудодень» *ажалта үдэр*, «всеобщий» *бүгэдэ ништын*, «общественный строй» *олоништын байгуулалта*, «сельскохозяйственный» *хүдөө ажахын*, «справедливая война» *үнэн сэхын дайн*, «всемирный» *бүхэ дэлхэйн*, «денежный оборот» *мүнгэнэй эрьесэ*, «международный» *уласхоорондын*, «товарооборот» *эд бараанай эрьесэ*, «лесозаготовка» *модобэлэдхэл*, «хлебоуборка» *таряа хуряалга*, «сеноуборка» *үбһэ хуряалга*, «духовная жизнь» *оюун ухаанай ажабайдал*, «млекопитающие» *һүн тэжээлтын*, «человекообразные» *хүн дүрсэтэн*, «общинный строй» *бүлгэмтэ байгуулалта*, «земноводные» *газар уһанай*, «воздухоплаватели» *агаарта тамарагшад*, «общественное устройство» *олоништын байгууламжа*, «рабовладельческий строй» *богоол эзэмдэлгэтэ байгуулалта*, «вооруженные силы» *зэбсэгтэ хүсэ-*

¹ Т. А. Бертагаев. Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурят-монгольского языка, «Сб. трудов по филологии», в. 1, Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1948, стр. 38.

² См. Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык, М., 1957, стр. 59.

³ Там же, стр. 53.

нүүд, «поваренная соль» *шинамал дабхан*, «каменная соль» *шулуун дабхан*, «осадочная соль» *тунамал дабхан*, «широкий размах» *үргэн далайса*, «жидкое состояние» *шэнгэн байдал*, «твердое состояние» *хатуу байдал*, «высокий урожай» *үндэр ургаса*, «обязательства перед государством» *гүрэнэй урдаху уялганууд*, «полезные ископаемые» *ашагта малтамалнууд*, «реальная связь» *бодото холбоо*, «золотоносный песок» *алтата элһэн*, «исторический день» *түүхэтэ үдэр*, «герой труда» *ажалай баатар*, «грудная полость» *сээжын хүнды*, «полость брюшины» *гэдэһэнэй хүнды*, «дом отдыха» *амаралтын гэр*, «решающие дни» *шиидхэхы үдэрнүүд*.

Кроме словообразовательных и фразеологических калек, в бурятском литературном языке имеются и так называемые семантические кальки. Дело в том, что влияние русского языка на бурятский проявляется и в развитии семантики слов, в которых одно из лексических значений появляется как результат заимствования. Например, слово *шата* с обычным значением «ступень» в калькированных сочетаниях употребляется в значениях «фаза» и «степень»: *коммунизмын дээдэ шата* «высшая фаза коммунизма», *олон шатата һунгалта* «многостепенные выборы». Точно также слово *анги* «группа» в калькированных сочетаниях обозначает «класс», например: *хүдэлмэришэн анги* «рабочий класс», *ангийн дайсан* «классовый враг», *ангийн тэмсэл* «классовая борьба», *ангийн мэдэрэл* «классовое сознание».

1. Кальки, созданные в старом письменном языке в до-революционное время. Кальки с русских слов и словосочетаний широко стали появляться в деловых бумагах на старомонгольском письменном языке с середины XIX века. Они в основном являются словами и терминами, относящимися к сфере государственного, местного, административного и военного управления, старой системы выборов, судопроизводства и правовых отношений. Например, в деловых бумагах Хоринской степной думы встречаются такие кальки: *кургелте* — донесение, *медегүлге* — уведомление, *дзакиралта* — предписание, *дзакийа* — послание, *гомодол* — жалоба или челобитная, *бүгүдүн гуйилга* — нижайшее прошение, *хабийадалга* — участие, *шитулгө* — вероисповедание, *темдеглелге* — отметка, *ергумжилеге* — повышение, *бусутурелтед* — инородцы, *уялга* — обязательства, *урислалга* — заем, *шинжелел-*

ге — исследование, *тарилга* — прививка, *кеблелге* — печатание, *ебселге* — соглашение, *адаглалта* — наблюдение, *мушкилте* — допрос, *кунггелелте* — освобождение, *хабсуралта* — приложение, *хангалта* — удовлетворение, *байгуламжи* — устройство, организация, *кинамжи* — контроль, *тедкүмжи* — опека, обеспечение, *үйилдүбүри* — хозяйство, производство, *татабури* — налог, *хамжибари* — объединение, соединение, *шиидкебүри* — решение, *туршийал* — опыт, *дзүблеген* — совещание, совет, *некегчи* — истец, *некегдегчи* — обвиняемый, виновник, *герчинер* — свидетели, *дзаргаши* — адвокат, *орши* — приход, доход, *гарши* — расход, *күдүлмурши* — рабочий, *урислагчи* — взаимодавец, *гар дагагчи* — ответчик, *найдалту* — доверенный, *ачилта* — обложение, *хоригул* — запрет, запрещение, *еделгүүри*¹ — обрабатываемая (земля), пользование (землей). Вышеперечисленные кальки взяты из деловых бумаг бурятской Хоринской степной думы, относящихся к периоду конца XIX века, в которых затрагивается хозяйственная и общественно-политическая жизнь бурят Хори. Следует сказать, что среди калек, созданных в основном писарями Хоринской и других степных дум, много удачных терминов и выражений, которые получили право гражданства в бурятском языке, и они по сей день бытуют в нем. Например: *уялга* «обязательство», *урьһаламжа* «заем», *тарилга* «прививка», *байгуулалта* «устройство», *үйлэдбэри* «производство», *татабари* «налог», *гэршэ* «свидетель», *хүдэлмэришэн* «рабочий», *ашалта* «обложение», *эдлүүри* «пользование» и т. д.

2. Кальки, созданные в бурятском литературном языке в советскую эпоху.

В связи с развитием в советское время переводческого дела процесс калькирования русских слов и фразеологических оборотов в бурятском языке получает широкое применение. Калькирование становится одним из продуктивных способов обогащения бурятской лексики, главным образом терминологии. Примечательно то, что в советский период калькируются в массовом масштабе не только отдельные слова и лексические словосочетания, представляющие собою в основном термины, но и целые выражения (пословицы, поговорки, крылатые выражения и т. д.).

¹ Примеры взяты из материалов фонда Хоринской степной думы, ф. 8, ГА Бурятской АССР.

Сфера употребления калек чрезвычайно обширна: ими значительно пополнилась и общественно-политическая, и сельскохозяйственная, и научно-техническая, и учебная терминология.

В первые годы Советской власти, когда бурятский народ стал принимать активное участие в общественно-политической жизни страны, появляется масса общественно-политических терминов путем калькирования с русского языка. В этом заметную роль сыграли периодическая печать, переводы произведений классиков марксизма-ленинизма, школьных учебников. Например: *патийн ууг* „партячейка“, *tusgaarçuud* „обособленцы“, *ezerkeke anggi* „господствующий класс“, *өмçөркөкө карилсаа* „собственническое отношение“, *çanartai зөрилдөөн* „качественное противоречие“, *bolçovūguudün bytem-zün yndesen нөкөсөлнүүдүн negeni* „Один из коренных факторов успеха большевиков“, *komunūzmün dotorki „зуунү“ nilkasün өбөçөн* „Детская болезнь левизны в коммунизме“, *s.lzen oroko ује* „переходный период“¹, *nyurse төрүүлегчи* „углерод“, *duunū таарал* „сингармонизм“, *telөөнү nere* „местоимение“, *delgerenggui ygyulel* „распространенное предложение“² и т. д.

Эти новые калькированные общественно-политические и другие термины получили широкое распространение не только в переводных произведениях классиков марксизма-ленинизма и школьных учебниках, но и в художественной литературе. Например, в повести Ц. Дона «Хиртэһэн һара» (Затмение луны) находим массу калькированных общественно-политических терминов: *улаан булаң* «красный уголок», *хамтын ажал* «коллективное хозяйство», *комсомолой үүр* «комсомольская ячейка», *коммунын гэшүүн* «член коммуны», *ню-дарган* «кулак», *зүүнэй нугалаа* «левый уклон», *хатуу донгодолго* «строгий выговор», *партийн орлогшо гэшүүдэй үүр* «ячейка кандидатов в члены партии», *коммунын тоосоо хүтэлэгшэ* «ревизор коммуны», *сэбэрлэлгэ* «чистка», *хатуу даабари* «твердое задание», *баруунай бөөрэнхы оппортунист* «правый оппортунист», *дагалдагшад* «попутчики»³ и т. д.

¹ См. Erdem ba sasın. Degeede Yde, 1928, № 1; Temecelün çimeg. Degeede Yde, 1931, № 7; Leninü zam. Degeede Yde, 1932 № 3—5.

² См. Русско-монгольский терминологический словарь. Верхнеудинск, 1930.

³ Примеры взяты из собрания избранных произведений Ц. Дона. Зохёолнууд, Улан-Удэ, 1958, стр. 22—60 и далее.

По мере усиления выпуска периодической печати, книг и брошюр на бурятском языке и, главным образом, развития переводческого дела калькирование с русского языка получает все более широкий размах. Анализ языка периодической печати, книг и брошюр показывает, что сфера употребления калек в бурятском языке чрезвычайно обширна. Калькирование широко употребляется в общественно-политической, сельскохозяйственной, научно-технической, учебной и лингвистической и других сферах, а также в переводных пословицах и поговорках с русского языка.

Выделяются следующие разряды калек:

1. Кальки, образованные от общественно-политических терминов русского языка. Например: *өөрыгөө шүүмжэлэл* «самокритика», *шүүмжэлэлые хабшаха ябадал* «зажим критики», *ангийн зүрилдөөнүүд* «классовые противоречия», *тушаалта нюур* «должностное лицо», *эбсэшэгүй зүришэлдөөтэ ангинууд* «антагонистические классы», *олон шатата хунгалта* «многостепенные выборы», *зөөри шадалай зэргэ* «имущественное положение», *урасхал* «течение» (*политическэ урасхал* «политическое течение»), *хунгагша* «избиратель», *эбсэгшэ* «примиренец», *хандалга* «обращение», *дулдыдалга* «зависимость», *бөөмнэрэлгэ* «концентрация» (*промышленностиин бөөмнэрэлгэ* «концентрация промышленности»), *амяарлалга* «обособление», «изоляция», *баатаршалга* «героизм», *билдагуушалга* «подхалимство», *гүйбалзалга* «шатание», *заралган* «ссылка», *эрилтэ* «требование», *нөөлтэ* «сбережение», «экономия», *оруулалта* «вклад», *табимал* «ставленник», *этигэмжэ* «доверие», «доверенность», *ээлүүри* «владение», *залуурша* «рулевой», *хүдэлмэришэн* «рабочий», *ангигүй* «бесклассовый», *бурхангүйшүүд* «безбожники», *олонитын ханал* «общественное мнение», *табан жэл* «пятилетка», *эзэн бэшэ байдал* «бесхозяйственность», *ажаллаха шадабари* «трудоспособность», *үндэнэ нуури табигша* «основоположник», *үнэ бууралга* «падение цен», *хүдөө бэшэгшэ* «селькор», *харилсан туһалалсалга* «взаимопомощь», *бүхэ арадай эдлэл* «всенародное достояние», *табан жэлэй түсэб* «пятилетний план», *дурадхал оруулха* «вносить предложения», *үзэмжэдэ табиha* «представлять на рассмотрение», *уряал тунхаглаха* «опубликовать воззвание», *эрхэ олгохо* «предоставлять право»¹ и многие другие.

¹ Примеры, приведенные выше, взяты из газеты «Буряад үнэн», а также из различной переводной политической литературы на бурятском языке.

2. Кальки, образованные от сельскохозяйственных терминов русского языка. Например: а) *ажалта үдэр* «трудодень», *шэлбүүһэнэй гурил* «хвойная мука», *морин хажуур* «конная косилка», *үтэгжүүлгын шэбхэ* «навоз для удобрения», *тарилгын талмай* «посевная площадь», *ургамалай буурсалалга* «бутонизация растений», *эдеэтэй ургамалнууд* «плодово-ягодные растения», *жэмэстэй һөөгүүд* «ягодные кусты», *таряа хуряалга* «хлебоуборка», *таряа бэлэдхэл* «хлебозаготовка», *үбһэ хуряалга* «сеноуборка», *үбһэ бэлэдхэл* «сенозаготовка», *модо бэлэдхэл* «лесозаготовка», *һэлгүүлэн тарилга* «перекрестный посев»; б) животноводческие термины: *үүлтэртэ мал* «породистый скот», *түл абалга* «получение приплода», *малаа бэлшээн таргалуулга* «выгонный нагул скота», *малаа шахан таргалуулга* «убойное откармливание скота», *тугалнуудые тэнжээдэг арга* «метод выращивания телят», *һаажа хүхүүлжэ байгаад, тугалнуудые тэнжээдэг арга* «подсосно-поддойный метод выращивания телят», *хотын шүүһэн* «желудочный сок» и т. д.¹

3. Кальки, образованные от научно-технических терминов русского языка, употребляющиеся в научно-технической и учебной литературе. Например: *хүдэлөөн* «движение», *үрэлдөөн* «трение», *хүсэ шадал* «мощность», *дараса* «давление», *нэгэ жэгдэ хүдэлөөн* «равномерное движение», *үрэлдөөнэй хүсэн* «сила трения», *хубаагдаса* «делимость», *дуулбари* «резонанс», *сэхэ буланта* «прямоугольник», *дайрагша* «касательная», *хухаранги* «ломаная», *дамжуулса* «передаваемость», *дулаа багтааса* «тепловместимость», *газарай татаса* «притяжение земли», *дулаа дамжуулса* «теплопроводность», *хүдэлмэрин ябаса* «рабочий ход», *дулаанай үгтэсэ* «тепловая отдача», *элшэ тараалга* «распространение света», *бодосой байгуулга* «строение вещества», *бодосой байдалай хубилалга* «изменение состояния вещества», *хайлалга ба хатуужалга* «плавление и отвердевание», *эрьен бусалга* «круговорот», *түрилгын хүсэн* «выталкивающая сила», *харилсан үйлэдэлгэ* «взаимодействие», *таһаруулагша ашалта* «разрывающая нагрузка», *хайлуур* «плавильник», *уларил* «климат», *үлхэлдэл* «сцепление», *гурбалжанай талануудай ба булангуудай хоорондохи харилсаан* «соотношение между углами и сторонами треугольника», *таһалдаһан үлхөө* «разомкнутая цепь», *шудхааша* «литейщик», *гал унтараагааша* «огнетушитель», *үрэм-*

¹ Примеры, приведенные здесь, взяты из газеты «Буряад үнэн», а также из различной переводной сельскохозяйственной литературы на бурятском языке.

дэгшэ «токарь», барилга-хабсаралгын хүдэлмэри «строительно-монтажные работы», согсололго-тоололгын «счетно-вычислительный», нэмэлтэ үдхэгшэ «дополнительный множитель», хүндын хүсэн «сила тяжести», тулгалгын талмай «площадь опоры», дулаанай удха ушар «природа теплоты», агаарай даралта «атмосферное давление», бусалалгын сэг «точка кипения», эсэстэй арбалһан бутархай «конечная десятичная дробь», хооһон агааргүй оршом «разряженное пространство», дүтэрхы хүртэсэ «приближенное частное», хүсэд нюруу «полная поверхность», хажуу нюруу «боковая поверхность», нэгэ тэмдэгтэ тоо «однозначное число», хоёр тэмдэгтэ тоо «двухзначное число», сэхэ булан «прямой угол», дүүрэн булан «полный угол», мохоо булан «тупой угол», адли ташаата гурбалжан «равнобедренный треугольник», эрьелдэдэг хүдэлөөн «вращательное движение»¹ и т. д.

4. Кальки, образованные от учебных лингвистических терминов русского языка. Например: үндэһэн «корень», абяан «звук», нэмэлтэ «дополнение», нюур «лицо», хандалга «обращение», элирхэйлэгшэ «определение», тусгаарлалга «обособление», байрын ушарлагша «обстоятельство места», сагай ушарлагша «обстоятельство времени», шалтагаанай ушарлагша «обстоятельство причины», зорилгын ушарлагша «обстоятельство цели», дутуу мэдүүлэл «неполное предложение», хүсэд мэдүүлэл «полное предложение», нэрлэһэн мэдүүлэл «назывное предложение», нюургүй мэдүүлэл «безличное предложение», тодобэшэ нюуртай мэдүүлэл «неопределенно-личное предложение», нэгэтүрэл гэшүүд «однородные члены», оролто үгэ «вводное слово», сэхэ хэлэлгэ «прямая речь», хаалта «скобка», ушарлагша «обстоятельство», хэлэгшэ «сказуемое», мэдүүлэл «предложение», нүхэсэл мэдүүлэл «подчиненное предложение», хураангы мэдүүлэл «пераспространенное предложение», шангадхаһан мэдүүлэл «восклицательное предложение», түлөөнэй нэрэ «местоимение», юумэнэй нэрэ «имя существительное», гараһан үгэнүүд «производные слова», түргэн аялган «краткий гласный», үгын үе «слог»² и т. д.

¹ Примеры взяты из переводных учебников: А. В. Перышкин и др. Физикэ, ч. 1, долоон жэлэй ба дунда хургуулин 6-хи классай учебник, Улан-Удэ, 1958; егө же. Физикэ, часть II, 7-хи классай учебник, Улан-Удэ, 1958; И. Н. Шевченко. Арифметикэ, Улан-Удэ, 1960; А. П. Киселев. Геометри. Нэгэдэхи часть, долоон жэлэй ба дунда хургуулин 6--7 классуудай учебник, Улан-Удэ, 1956.

² Примеры взяты из учебников по бурятскому языку Д. Д. Дугар-Жабона, М. Н. Имехенова, Д. М. Мижидона, Ц. Ц. Цыдыпова.

5. Кальки, образованные от русских поговорок и пословиц.

На бурятский язык калькируются многие русские пословицы и поговорки, меткие и яркие выражения. Например: *Домбойжо нуунхаар, дохолоодшье ябаһан дээрэ* «Лучше хромать, чем сиднем сидеть», *Зуун түхэригтэй ябанхаар, зуун нүхэртэй ябаһан дээрэ* «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», *Шоные хүлынъ эдеэлүүлдэг* «Волка ноги кормят», *Зоригтой хүн нэгэ үхэдэг, зориггүй хүн мянга үхэдэг* «Трус умирает тысячу раз, а храбрец — один раз», *Долоо дахин хэмжээд, нэгэ дахин тайра* «Семь раз отмерь, один раз отрежь», *Табан хургандаал адляар мэдэхэ* «Знать, как свои пять пальцев», *Тэнэг хүнөөр ябажа олоһонһоо, сэсэн хүнөөр ябажа гээһэн дээрэ* «Лучше с умным потерять, чем с глупым найти», *Хүнише хубсаһаарнь угтадаг, ухаагаарнь үдэшэдэг юм.* «По платью встречают, по уму провожают», *Тэнэг асуудалда харюу байдаггүй* «На глупый вопрос не бывает ответа», *Хамарайнгаа үзүүрһээ сааша харадаггүй хүн* «Не видит дальше своего носа», *хамараа үргэхэ* «поднять (задирать) нос», *Тэрэш бүһэдөө хабшуулжархиха* «Он его за пояс заткнет», *Олоншье ажалтай хаа, гансал бодолтойбди* «Много дел, а цель одна», *Бэлэгэй мориной шүдэ харадаггүй* «Дареному коню в зубы не смотрят»¹.

Приведенные выше примеры представляют собой калькированные пословицы и поговорки. Следует сказать, что бурятский язык богат собственными пословицами и поговорками². Многие из них адекватны по смыслу не только русским пословицам и поговоркам, но и пословицам и поговоркам других народов³. Например: *Зай гэбэл — зуу үгы* «Взялся за гуж — не говори, что не дюж». *Һураһан — далай, һураагүй — балай* «Ученье — свет, неученье — тьма», *Амандаа аа үгы, хэлэндээ хээ үгы* «Тише воды, ниже травы» и т. д.

Кроме словообразовательных и фразеологических калек в бурятском языке, как отмечалось выше, имеются и семантические кальки. «...Процесс калькирования

¹ Примеры взяты из работы Ц. Б. Будаева. Словарь русско-бурятских адекватных пословиц и поговорок, Улан-Удэ, 1959.

² См. Буряад арадай онһон хошоо үгэнүүд, Улан-Удэ, 1960.

³ См. Ц. Будаев. Словарь русско-бурятских адекватных пословиц и поговорок, Улан-Удэ, 1959; е го же. Адекватные пословицы и поговорки разных народов, Улан-Удэ, 1962.

значение происходит только тогда, когда чужое слово и свое семантически имеют точки соприкосновения, обладают объединяющими их одинаковыми прямыми, номинативными значениями. Семантической калькой, например, является в русской лексике слово *трогать* в значении «вызвать сочувствие, приводить в умиление», которое появилось в нем под влиянием французского слова *toucher*. Основой для заимствования русским словом переносного значения французского слова послужило их единое прямое значение «прикастаться»¹.

Среди семантических калек выделяются два вида: лексико-семантические и фразеолого-семантические.

К лексико-семантическим калькам можно отнести слова *сагаантан* «белые», *улаантан* «красные», когда они употребляются как политические термины соответственно в значениях «войска белых» и «войска красных».

Эти переносные семантические значения в словах *улаантан* и *сагаантан* появились под влиянием семантики русских слов «красные» и «белые». В советскую эпоху под влиянием семантики русских слов «уголок» и «очаг» получили новые, переносные значения существительные *булан* «уголок» и *гуламта* «очаг». Например: *улаан булан* «красный уголок», *гэгээрэлэй гуламта* «очаг просвещения» и т. д.

К лексико-семантическим калькам относятся *баруунайхин* «правые» (полит.), *зүүнэйхин* «левые» (полит.), *холбоон* «союз», *холбогдол* «смычка», *нюдарган* «кулак», *урасхал* «течение» (полит.), *шүүмжэлэл* «критика», *заралган* «ссылка», *бөөмнэрэлгэ* «концентрация», *хэлбэрил* «уклон», *табимал* «ставленник» и т. д.

Большой интерес представляют фразеолого-семантические кальки. Под влиянием значений русских фразеологических выражений многие бурятские синтаксические словосочетания превращаются в фразеологизмы. Например: *зүүнэй хэлбэрил* «левый уклон», *баруунай хэлбэрил* «правый уклон», *ангийн зүрилдөөнүүд* «классовые противоречия», *эбсэшэгүй зүришэлдөөтэ ангинууд* «антагонистические классы», *шүүмжэлэл хабшаха ябадал* «зажим критики», *хүдөө бэшэгшэ* «селькор», *дай үүдхэгшэ* «поджигатель войны», *мүрысөө үүсхэгшэ* «инициатор соревнования», *үнэтэ үүсхэл* «ценный почин», *замай залууршад* «маяки производства», *буу зэбсэг ху-*

¹ Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский. Современный русский язык, М., Учпедгиз, 1957, стр. 54.

р^ял^га «разоружение», г^ан^са х^үндэ х^үгээдэн ш^үтэлгэ «культ личности», амгалан ё^ноор зэргэ оршолго «мирное сосуществование», хамтаараа хүтэлбэрилгын гол ё^нон «принцип коллективного руководства» и т. д.

Бурятский язык обязан русскому языку и обогащением семантики слов, то есть появлением у них, наряду с конкретными номинативными значениями, переносных, абстрактных лексических значений. Все лексические и фразеологические кальки, имеющиеся в словарном составе бурятского языка, можно разбить на две группы: на полные кальки и полукальки. Полные кальки создаются в результате перевода всех морфологических частей слова или всех компонентов словосочетаний. Например: бурхангүйшүүл «безбожники», ээлжээтэ бэшэ «внеочередной», ажалта үдэр «трудодень», нэгэ түрэл «однородный», табан жэл «пятилетка», түмэр замайхид «железнодорожники», агаарта тамарагшад «воздухоплаватели», хүн тэжээлтэн «млекопитающие», модо бэлэдхэл «лесозаготовка», таряа хуряалга «хлебозаготовка», тушаалта нюур «должностное лицо».

В бурятском языке имеются и полукальки, то есть слова и словосочетания, образующиеся посредством сочетания собственного и русского материала.

Как показывает анализ имеющихся в бурятском языке калек, элементами не поддающимися переводу, в основном, являются интернациональные слова, в том числе и советизмы, вошедшие в международную лексику. Например:

а) слова, созданные из иноязычного и собственного материала: тулмаашалха «толмачить», панхаруутаха «банкротствовать», тулхабаагүй «бестолковый», машинажаһан «машинизированный», механизировэлэгдэһэн «механизированный», атомшалагдаһан «атомизированный», партийна бэшэ «беспартийный», индустриализацилга «индустриализация», сеялкэшэн «сеяльщики», косилкашан «косильщики», геройлиг «геройский», «героический», сахарлиг «сахаристый» и т. д.

б) словосочетания, созданные из бурятских и русских или интернациональных слов и наоборот, например: политическэ үзэл «политические взгляды», партийна хуралсал «партийная учеба», жэжэ буржуазна «мелкобуржуазный», революционно хэримжэ «революционная бдительность», политическэ эрилтэнүүд «политические требования», Совет гүрэн «Советское государство», нюуса голосовани «тайное голосование», хунгалтын округ «избирательный округ» и т. д.

При калькировании с русских слов и выражений в бурятской периодической печати и переводной политической литературе допускаются серьезные недостатки, выражающиеся в нарушении стилистических норм бурятского языка, о которых подробно сказано в работах Ц. Б. Цыдендамбаева и Ц. Б. Будаева.

Ц. Б. Цыдендамбаев в работе «Язык бурятской периодической печати» отмечает, что «например, говоря о глазах, и руках, стали нередко писать *нюдэд, гарнууд*, тогда как буряты говорят *нюдөөрөө хараха* (досл. смотреть глазом), а не «*нюдэдөөрөө хараха*», «*гараараа бариha*» (досл. держать рукой), а не «*гарнуудаараа бариha*». Иногда пишут *таабаритайгаар хэлэхэ* или *таабаритайгаар мнэд гэсэгээхэ*, что является буквальным переносом на бурятский язык русского выражения «говорить (или улыбаться) загадочно». Бурятское слово *ахалагша* (старший) сочетается только со словами, обозначающими человека. Поэтому неверно писать *ахалагша классай нурагшад*, вернее было бы *дээгүүр классай нурагшад* в знач. «ученики старших классов». По-русски говорят «подражать кому-чему», но по-бурятски — *хэниие гү, али юу дуурлаха*, то есть русский глагол управляет дательным падежом, тогда как бурятское его соответствие управляет винительным падежом имени. Вот почему ошибочно писать *уран зохеолшодто дууряаха*, а следует — *уран зохеолшодые дууряаха* (подражать писателям)»¹.

В работе «О переводах политической литературы на бурятский язык» Ц. Б. Будаевым приводятся следующие примеры, в которых нарушены стилистические нормы бурятского языка: «В этом и только в этом будет наша надежда» переведено буквально: «*Энэндэ ба ганса энэндэ манай найдалга байха байна*». «Достаточно ли заботливо относимся мы к росткам коммунизма? ...Еще раз, нет и нет». Переводчик передает это буква в букву: «*...Коммунизмын эхин ургасануудта бидэнэр гүйсэд оролдосотойгоор хандана гүбди? Үшөө дахин, үгы ба үгы байнат*»².

Неудачные кальки появляются, во-первых, в результате перенесения недостатков в некоторых терминах

¹ Ц. Б. Цыдендамбаев. Язык бурятской периодической печати. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965, стр. 105—106.

² Ц. Б. Будаев. О переводах политической литературы на бурятский язык. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху», Улан-Удэ, 1965.

русского языка в бурятские термины, во-вторых, из-за калькирования русских терминов и фразеологических словосочетаний при наличии в бурятском языке адекватных по смыслу собственных терминов и фразеологизмов, в-третьих, вследствие нарушения стилистических норм родного языка. Серьезное внимание на первый недостаток было обращено в докладе Н. К. Сухова «Об основных направлениях современной терминологической работы в технике», который был прочитан на Всесоюзном терминологическом совещании, состоявшемся в Москве в 1959 году. Там сказано: «Иногда считают, что национальный термин может быть получен путем перенесения термина другого языка. Это не так. Очень часто оказывается, что термины в исходном языке имеют различные недостатки. При переводе таких терминов эти недостатки неизбежно переносятся в термин национальных языков... Исходный термин может неверно отражать сущность выражаемого им понятия, например, в русском языке термин «лошадиная сила». Известно, что этот термин служит для выражения единицы мощности. Буквальное значение термина «лошадиная сила» противоречит выражаемому понятию мощности. Хорошо известно, что этот термин не удовлетворяет требованиям и поэтому не может служить образцом, достойным подражания»¹.

В бурятской переводной литературе случаи калькирования русских фразеологических оборотов при наличии совпадающих по смыслу бурятских выражений нередки.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ БУРЯТСКИМ ЯЗЫКОМ РУССКИХ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ И ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОДЫ

Академик В. В. Виноградов в работе «Основные типы лексических значений слова»² лексическое значение слова рассматривает как категорию, являющуюся органической частью взаимообусловленной и взаимосвязанной лексико-семантической, лексико-грамматической системы языка.

¹ Н. К. Сухов. Об основных направлениях современной терминологической работы в технике. «Вопросы терминологии», М., 1961, стр. 76.

² См. В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. «ВЯ», 5, 1953.

Понятийное логическое содержание более определенно выступает только в свободном, номинативном значении слова, «но,— говорит В. В. Виноградов,— и в этом случае семантика слова в целом, рассматриваемого в аспекте системы языка, не исчерпывается и не ограничивается только выражением этого понятия. Что же касается других видов лексических значений слов, то эти значения настолько слиты со спецификой данного конкретного языка, что общечеловеческое, понятийное, логическое содержание в них обрастает со всех сторон своеобразными формами и смысловыми оттенками национального творчества данного народа»¹.

При таком понимании значения слова не может быть речи об абсолютной адекватности значения заимствованного слова со значением его прототипа.

Автор работы «Сущность лексического заимствования» Л. П. Ефремов считает, что «заимствованное слово и прототип — лексические единицы разных языков, и уже это отличает их даже тогда, когда они еще не разошлись в своих значениях»².

Таким образом, слова, заимствованные из одного языка в другой, подвергаются не только фонетическим, но и заметным семантическим изменениям, заключающимся в сужении или расширении лексического значения слова.

Анализ семантической стороны русских слов, вошедших в лексику бурятского языка, показывает, что многие из них заимствованы с изменениями семантического характера.

Среди дореволюционных русских заимствований выделяется группа слов, проникших в словарный состав бурятского языка в своем исконном семантическом объеме. Это в основном слова, которые в русском языке имеют не более одного лексического значения. Например, к ним относятся: 1) слова, являющиеся названиями предметов и вещей домашнего обихода и продуктов питания: *бидруу* «ведро», *сабхи* «сапоги», *пулаад* «платок», *оргоожо* «рогожа», *алаади* «оладьи», *хилээмэн* «хлеб»; 2) слова, обозначающие предметы и явления из области сельского хозяйства: *орооһон* «зерно», *яарса* «ярица», *оожом* «озимь», *заалис* «залежь», *борной* «борона», *ханууса* «капуста», *үгэрсэ* «огурцы», *морхоог* «морковь»;

¹ В. В. Виноградов. Основные типы лексических значений слова. «ВЯ», 5, 1953, стр. 29.

² Л. П. Ефремов. Сущность лексического заимствования, стр. 28.

3) слова, обозначающие названия надворных построек и столярного дела: *амбаар* «амбар», *забуужан* «завозня», *хэрэлсээ* «крыльцо», *пезшэн* «печь», *остоноог* «станок», *бураабша* «бурав»; 4) термины из товарно-денежных отношений: *алаабхи* «лавка», *мангажы* «мангазен», *ярмаг* «ярмарка», *пүүд* «пуд», *һүүнтэ* «фунт», *сажан* «сажень», *солхообо* «целковый», *нолоог* «налог», *доемхо* «недоимка» и т. д.

Кроме того, как выше отмечалось, многие заимствования дореволюционной эпохи бурятским языком освоены с сужением их семантического объема. Из многочисленных заимствований такого рода приведем лишь некоторые, наиболее характерные примеры.

В бурятском языке заимствованное слово *хилээмэн* «хлеб» воспринято в значении «пищевой продукт, выпекаемый из муки». А другие значения слова «хлеб» — «зерно, из которого готовится мука», «растение, из зерен которого готовится мука и крупа», а также переносные, разговорные — «пища», «пропитание» и «средства к существованию», «заработок»¹ либо передаются соответствующими бурятскими словами: *таряан*, *талхан*, *гурил*, либо вовсе не передаются, так как язык не нуждается в этих переносных значениях.

Заимствованное слово *орооһон* этимологически восходит к русскому слову «рожь», которое обозначает: «1. Хлебный злак, из зерен которого изготавливается мука, идущая на выпечку черного хлеба... 2. Ржаное поле, всходы ржи»...² На бурятской почве словом *орооһон* обозначается всякое зерно, а не только рожь, которое переводится как *хара таряан* (букв. «черное зерно»).

Слова из русского языка в бурятский язык могут заимствоваться только с одним, переносным значением. Например, в бурятском языке заимствованное слово *гулбаа* «голова» употреблялось только в значении «голова рода»³, (должность в дореволюционной Бурят-Монголии, то есть было заимствовано только переносное значение слова «голова». Как основное значение данного слова («верхняя часть тела человека»), так и все другие значения, развившиеся от него в русском языке («глава», «руководитель», «первые ряды», «передняя часть чего-либо» и т. д.), в бурятском языке выражают-

¹ Словарь русского языка в 4-х томах. М., Изд-во АН СССР, т. IV. 1961, стр. 823—824.

² Словарь русского языка, т. III, стр. 961.

³ К. М. Черемисов. Бурят-Монгольско-русский словарь, стр.

ся своими словами, в их заимствовании бурятский язык не нуждался. В разговорной речи бурят об игральных картах можно услышать заимствованное слово *маась* «масть». Оно перешло в бурятский язык только со значением, выражающим «один из четырех разрядов, на которые делится колода карт по цвету и форме очков»¹, а другое основное его значение «цвет шерсти животных» (чаще лошадей) осталось незаимствованным, так как это значение в бурятском языке выражается словами *зүһэн, жуһэн, үнгэ*. С таким же суженным значением было воспринято заимствованное слово *поршоог* «порошок» в значении лекарственного вещества, а другое его значение, в частности значение «зубной порошок», не могло быть заимствованным, так как дореволюционная бурятская общественность не была знакома с этим предметом быта. С таким же суженным значением в дореволюционный период были заимствованы многие другие слова, как: *поргоон* «прогонные» (деньги), *пирхаашаг* «приказчик» (в лавке), *одбоор* «двор» (постройки), *яма* «яма» (в значении ухабы) и т. д.

Слова, заимствованные из русского языка с расширенным значением в дореволюционный период, единичны. Это объясняется тем, что слова из русского языка в этот период заимствовались в основном устным путем, что позволило заимствовать слова только с одним из их конкретных значений, то есть с суженным значением. Например, расширение своего семантического значения получило на бурятской почве заимствованное из русского языка слово *дойбод* «доведь», первичное значение которого — это шашка, доведенная до другой стороны шашечной доски, то есть «дамка». Судьба этого слова на убедительных примерах хорошо прослежена К. М. Черемисовым: «Это ранее других заимствованное слово (*дойбод*) в значении «шашки» в новой для него среде словарного состава велет новую семантическую жизнь и обросло другими (дериватными) значениями. У закаменских бурят оно значит клетки на шахматной доске, у баргузинских — шашечный узор, у боханских в словосочетании *дойбод хээтэй* «клетчатый», дословно — «с узором, как на шахматной доске». Возникли у него даже переносные значения: 1. *Дойбод гараха* (боханское) — «выходить в дамки», 2. «Добиваться своих целей окольными путями». Словосочетание *дойбод сохихо* в дословном или буквальном переводе «бить шаш-

¹ Словарь русского языка, т. II, стр. 320.

ки»: агинское — «быть пронырой, карьеристом», баргузинское, боханское, селенгинское — «говорить непоследовательно, перескакивать с одного на другое», Сравни: *дойдод сохижо ябадаг хүн* (закаменское) — «несерьезный человек» (с оттенком значения «жуликоватый»). Вот почему название пьесы бурят-монгольского драматурга Даширабдана Батожабая «Дойбод сохилго» переведено «Ход конем». Пишущий эти строки слышал от русских объяснение, что «ходить конем» переносно означает «заниматься махинациями»¹.

В советскую эпоху многозначные русские и интернациональные слова заимствуются в основном без каких-либо фонетических изменений и в том же семантическом объеме.

Однако многие русские и интернациональные слова, как и старые заимствования, на бурятской почве подвергаются сужению объема значений.

По признаку семантического освоения русские и интернациональные заимствования советского периода распределяются на:

- а) слова, заимствованные в том же семантическом объеме, что и в оригинале;
- б) слова, освоенные с сужением лексических значений;
- в) слова, освоенные с расширением лексических значений.

Слова, заимствованные в том же семантическом объеме, — это слова, имеющие в русском языке не более одного значения. Это в основном имена существительные предметного значения, не имеющие переносных значений. Например: автобус, грузовик, трактор, комбайн, плакат, радио, кино и др. Подобные слова, как: *тэргэ* «телега», *шарга* «сани», *хүхэ* «топор» и т. д., в бурятском языке не имеют переносных значений. Следовательно, в бурятском и русском языках семантический объем этих и подобных им заимствованных слов полностью совпадает.

В группу слов, заимствованных в бурятский язык в том же семантическом объеме, входят и некоторые многозначные слова. Например, в русском и бурятском языках полностью совпадает семантический объем слова «лагерь», которое в обоих языках употребляется в двух значениях: 1) временная стоянка, обычно под открытым

¹ К. М. Черемисов. О ранних заимствованиях в бурятском языке, «Свет над Байкалом», 1956, № 4, стр. 142—143.

небом в палатках (пионерский лагерь — *пионерскэ лагерь*, туристский лагерь — *туристскэ лагерь*), 2) общественно-политическая группировка, направление (лагерь мира, демократии и социализма — *эб найрамдал, демократи болон социализмын лагерь*; лагерь империализма — *империализмын лагерь*).

В бурятском языке полностью сохраняют объем своей смысловой структуры и слова «диплом», «паспорт» и некоторые другие.

Абсолютное большинство подобных многозначных слов составляют такие заимствования, каждое значение которых носит терминологический характер, притом в бурятском языке для выражения этих лексических значений нет соответствующих слов. Именно в силу этих двух причин русские и интернациональные слова в бурятском языке полностью сохраняют свой семантический объем.

1. Слова, освоенные с сужением семантического значения.

Явление это заключается в том, что в силу определенных условий заимствования русские слова в бурятском языке утрачивают некоторые свои значения. Некоторые лексические значения утрачиваются, во-первых, потому, что для выражения их в заимствующем языке имеются соответствующие слова, и, во-вторых, в нередких случаях ввиду отсутствия необходимости в самих этих понятиях.

Для иллюстрации сказанного о сужении семантического объема слова при заимствовании приведем несколько наиболее характерных и типичных примеров: слово «совет» в русском языке имеет следующие значения: «1. Наставление, указание, предложение как поступить: совет врача... 2. Совместное обсуждение каких-либо вопросов; совещание, заседание. Семейный совет... 3. Распорядительный или совещательный орган при каком-либо учреждении, организации, обществе. Совет безопасности ООН... 4. Название некоторых органов государственного управления, состоящих из выборных или назначенных лиц и имеющих руководящее значение в жизни государства или какой-либо его отрасли. Совет Министров СССР... 5. Орган государственной власти, осуществляющий диктатуру рабочего класса и являющийся формой политической организации социалистического общества. Верховный Совет СССР... 6. Согла-

сие, дружба, лад»¹. Слово «совет» при заимствовании в бурятский литературный язык сохраняет лишь четвертое и пятое значения, носящие терминологический характер, например: *Бурядай АССР-эй Верховно Совет, Министрнүүдэй Совет*, «Верховный Совет, Совет Министров Бурятской АССР», а другие четыре значения при заимствовании отпадают, так как для выражения данных понятий в бурятском языке имеются соответствующие слова.

Заимствованное слово «класс» в бурятском языке представляется только как однозначный термин, обозначающий «подразделение учащихся начальной и средней школы, соответствующее какому-либо году обучения»². Между тем в русском языке он полисемантичен.

В бурятском языке заимствованное слово «костер» употребляется только в сочетании *пионерскэ костер* «пионерский костер», в котором означает «торжественный сбор пионеров у зажженного костра или у имитации костра»³. В данном случае бурятским языком заимствовано только переносное значение слова «костер», а прямое его значение «горящая или приготовленная для горения куча дров, хвороста, сучьев» и т. д.⁴ имеет в бурятском языке адекватное выражение словом *түүдэг* или *түүдэбшэ*.

В эту группу входит также целый ряд грамматических терминов: *залог, оборот, наклонени* «наклонение», *приложени* «приложение», *союзууд* «союзы», *периодүүд* «периоды»⁵ и т. д., которые употребляются в бурятском языке лишь в терминологическом значении.

Из приведенных примеров видно, что русские многозначные слова заимствованы и заимствуются в бурятский язык, как правило, с терминологическими значениями, утрачивая нетерминологические, что объясняется наличием в бурятском языке соответствующих слов для выражения соответствующих лексических значений.

¹ Словарь русского языка, т. IV. М., 1961, стр. 244.

² Словарь русского языка, т. II, стр. 68.

³ Там же, стр. 147.

⁴ Там же.

⁵ См. М. Н. Имехенов, Ц. Ц. Цыдыпов. Бурят-Монгол хэлэнэй грамматика, часть I. Фонетикэ ба морфологи. Улан-Удэ, 1958; Д. Д. Доржиев, Д. Д. Дугар-Жабон, Д. Т. Тумунова. Буряад хэлэн, Улаан-Удэ, 1966.

2. Слова, освоенные с расширением семантического значения.

Расширение семантического значения заимствований заключается в том, что иноязычное слово

на почве заимствующего языка приобретает дополнительные лексические значения.

Русское слово, проникнув в бурятский язык, в результате частого употребления носителями последнего начинает обозначать и другой предмет, явление, которые имеют какой-то схожий признак с обозначенным данным словом предметом или явлением.

Заимствования получают расширенное значение в основном в разговорной речи бурят. Однако это явление изредка можно встретить в языке художественных произведений. Например, заимствованное однозначное слово *онгоошхо* «окошко» в бурятском языке приобрело дополнительное переносное значение «незаконнорожденный» в сочетании *онгоошхын хубүүн* «незаконнорожденный сын»¹.

Факты расширения семантического объема значений заимствованных слов «каторжанин», «напроход», «комсомол» описаны в статье Ц. Б. Цыдендамбаева «Влияние русского языка на развитие бурятского»: «Отдельные заимствования, вошедшие в разговорный бурятский язык,— сообщает Ц. Б. Цыдендамбаев,— получили дополнительные, не свойственные для русского языка значения. Например, заимствование *хаатаршан*, помимо своего основного значения «каторжанин», употребительно не только как бранное слово со значением «варнак», но и как фамильярное обращение к детям с оттенком легкой укоризны в знач. «чертенок», «бесенок». Слово разговорного языка *порхоод*, представляющее собой русское «напроход», приобрело еще значение «бесконечно, все время»: *Нэгэл юүмэ порхоод хэлэжэ байхань залхуутай* — «Надоедает бесконечно говорить об одном и том же». *Порхоод ерээд халанагуй* — «Он наповадился приходить все время». Слово *хомсомоол* разг. «комсомол», заимствованное в 1920-х годах, в разговорном языке, кроме названия «Коммунистический союз молодежи», стало обозначать еще члена этой организации — «комсомолец»².

¹ К. М. Черемисов. Бурят-Монгольско-русский словарь, М., 1951, стр. 369.

² Ц. Б. Цыдендамбаев. Влияние русского языка на развитие бурятского. «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института», в. 1, Улан-Удэ, 1959, стр. 107.

В разговорной речи бурят заимствованные слова «актив», «милиция», «общий» и другие также расширили свои семантические значения. В работе Д. А. Абашеева «Тункинский говор» приводится записанное от осведомителя-колхозника Шобоева следующее предложение: *Дөрбөн жэл активаар хөдлөөб* «Четыре года активистом работал»¹. Слово «актив» в словаре С. И. Ожегова имеет значение «наиболее деятельная часть организации, коллектива»². А в речи осведомителя Шобоева заимствованное слово «актив» расширило свое значение, обозначая отдельного члена актива.

В русском языке слово «милиция» означает: «административное учреждение для охраны общественного порядка и безопасности, социалистической собственности, а также личной безопасности граждан и их имущества»³. В разговорной же речи оно обозначает еще сотрудника милиции: *Танай руу милиис ошобо* «к вам пошел милиционер»; *Бимба милиис болоо* «Бимба стал милиционером» и т. д.

В разговорной речи бурят также можно часто услышать выражения: *Би ообшодо байнаб. Би ообшооо ерэзб*, то есть «Я живу в общежитии», «Я пришел из общежития». В этих выражениях заимствованное слово *ообшо* «общий» употребляется в несвойственном русскому языку значении «общежитие».

Однако следует заметить, что случаи расширения лексического значения новых заимствованных слов в бурятском языке немногочисленны. Это объясняется преимущественно книжным характером заимствования русских и интернациональных слов и терминов в советский период.

Нами разобраны наиболее простые, очевидные случаи семантического изменения слов. Среди различных конкретных причин семантического изменения слова наиболее общей является нечеткое, неточное восприятие значения прототипа.

Таким образом, некоторые слова, заимствованные из русского языка как в дореволюционное, так и послереволюционное время в бурятском языке получили новые дополнительные значения. Такое расширение смыслового объема заимствованного слова, наряду с заимствованием прямого номинативного значения, служит пока-

¹ Д. А. Абашеев. Тункинский говор. «Исследование бурятских говоров», в. 1. Улан-Удэ, 1965, стр. 32.

² С. И. Ожегов. Словарь русского языка, М., 1953, стр. 16.

³ Там же, стр. 311.

затем дальнейшему обогащению словарного состава бурятского языка в результате полного освоения многих русских и интернациональных слов уже на почве самого заимствовавшего бурятского языка. Ясно, что новые дополнительные значения возникают и развиваются на основе сравнительно давних и активно функционирующих заимствованных слов.

В докладе И. К. Белододе, Е. А. Бокарева «Русский язык — язык межнационального общения», прочитанном на Всесоюзной конференции по вопросам развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху, состоявшейся в Алма-Ате в 1962 г., утверждается, что «нет такого литературного языка народов СССР, который не обогатился бы достижениями русского литературного языка, не воспользовался бы путем прямого заимствования его лексикой, фразеологией, средствами образного выражения, его словообразовательными и другими конструкциями и моделями для своего усовершенствования. В этом также сказалась благотворная помощь русского языка другим языкам»¹.

Таким образом, обогащение бурятского языка под влиянием русского заключается: а) в прямом заимствовании русских слов, б) в калькировании отдельных слов и фразеологизмов, в) в семантическом освоении отдельных слов, г) в освоении синтаксических моделей русского языка. Подобные факты развития и обогащения бурятского языка говорят не просто о количественном увеличении словарного состава бурятского языка, они раскрывают пути развития человеческой мысли, формирование новых понятий языковой общности, дают направление для творческой языковой работы и воспитывают правильное отношение к новым фактам и явлениям языка, возникающим в наше время в связи с общественным развитием.

Следовательно, изложенные в нашей работе многочисленные факты заимствования слов, значений и выражений вполне убедительно подтверждают, что русский язык оказал огромную, решающую помощь в подтягивании бурятского языка до уровня развитых современных языков, тем самым в цивилизации отсталого и неграмотного в прошлом бурятского населения. На основе русской графики был создан бурятский алфавит,

¹ И. К. Белодод, Е. А. Бокарев. Русский язык — язык межнационального общения. «Вопросы развития литературных языков народов СССР», Алма-Ата, 1964, стр. 35.

приспособленный к фонетическим и фонологическим условиям и особенностям бурятского языка. По образцу грамматики русского языка и учебных пособий по русскому языку составлены грамматики и другие учебники на бурятском языке, подготовлены национальные кадры различных специальностей во всех сферах общественной жизни. Наряду с ликвидацией неграмотности и широким развитием просвещения на родном языке происходил интенсивный процесс изучения русского языка, который за сравнительно короткий срок стал для бурят вторым родным языком. В результате еще более усилился процесс всестороннего влияния русского языка на все стороны бурятского языка: лексико-семантическую, фразеологическую, фонетико-морфологическую, синтаксическую и стилистическую. В этом мы видим громадную роль русского языка в обогащении и развитии бурятского языка.

**ВЛИЯНИЕ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
НА РАЗВИТИЕ И ОБОГАЩЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА**

**ДОНДУКОВ
УЛЗЫ-ЖАРГАЛ
ШОЙБОНОВИЧ**

Спец. редактор Л. Д. Шагдаров
Редактор А. Я. Нагорнова
Художественный редактор И. И. Бичевин
Техн. редактор В. В. Скачкова
Корректор Е. С. Павлова

Сдано в набор 26/II-1973 г. Подписано к печати 14/II-1974 г. Объем: п. л. — 5,25;
уч.-изд. л. — 5,54. Тираж 2000 экз. Формат бум 84x108^{1/32}. Бум. № 3. Заказ 19.8.
Цена 33 коп. Н-01361.

Бурятское книжное издательство, г. Улан-Удэ, ул. Советская, 25.
Типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров БурАССР, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 21.

Цена 33 коп.